Заславский
Кадеты
и евреи...
Пг., 1916
Г 59081

НМЛ—Библиотека
ГЖ215
3556

23/18
Д. Я. 12.
БИБЛИОТЕКА
„СЕВЦЕНТРОПЕЧАТИ“
Инв. № 1774
Фр. кн. 323/18

Д. Заславскій. Ст. Ивановичъ

ГЭ4С215
3556

КАДЕТЫ и ЕВРЕИ.

Д. XXXV. 812
Инв. № 1774

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

Д. Заславскій. Ст. Иваховичъ.

ГЖ 215
З-556

323/18

КАДЕТЫ и ЕВРЕИ.

Инв. 257

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
К. 1984
ГЖ215 р
3556
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
1149/28 58087

Дозволено Воен. Цензурой 30 апрѣля 1916 г. Петроградъ.

Типографія Л. Я. Ганзбурга, Петроградъ, Мытнинская ул., 11.

* * *

Провалъ кафафовскаго запроса какъ громомъ поразилъ еврейское общество и вызвалъ тяжкое недоумѣніе въ средѣ русской демократіи. Объясненія депутатовъ-евреевъ только усилили тягостное чувство позора. Объясненія кадетскихъ круговъ въ „Рѣчи“ только подчеркнули, что партія, подавшая руку Савенкѣ, подастъ роковымъ образомъ руку и Кафафову. Было ясно, что маленькіе сѣрые люди—еврейскіе депутаты—безпомощные въ жизни, безпомощные на трибунѣ, только слѣпое орудіе въ рукахъ безотвѣтственныхъ политиковъ еврейскаго народа. Было ясно, что цвѣтъ буржуазной интеллигенціи—кадетская партія — только жертва, охотно пошедшая на закланіе во имя блока и во славу его. То, что случилось, предрѣшено было тактикой анонимнаго общества еврейскихъ политическихъ дѣятелей во главѣ съ гг. Сліозбергомъ и Винаверомъ—съ одной стороны и блока взаимно прощенныхъ репутацій во главѣ съ Милюковымъ и Шульгинымъ—съ другой. Анонимное общество

хотѣло втиснуть весь еврейскій народъ въ русло кадетской партіи. Кадетская партія вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ мертвымъ и живымъ инвентаремъ хотѣла сдать блоку интересы еврейскаго народа. Анонимное общество потерпѣло неудачу. Изъ Таврическаго дворца еврейскіе депутаты вышли униженные, оскорбленные, раздавленные. Думскій блокъ, наоборотъ, свое дѣло выполнилъ блестяще. Изъ Таврическаго дворца гр. Капнистъ и Кафафовъ вышли съ гордо поднятой головой, торжествующіе, сіяющіе.

Тѣмъ, кто слѣдилъ за дѣятельностью кадетской партіи въ еврейскомъ вопросѣ и дѣятельностью евреевъ въ кадетской партіи—этотъ исходъ не могъ показаться неожиданнымъ. Эта грустная исторія и составитъ предметъ двухъ нижеслѣдующихъ очерковъ.

Д. Заславскій. Ст. Ивановичъ.

Ст. Иваховичъ.

КАДЕТЫ и ЕВРЕИ.

I.

Это острая и волнующая тема: кадеты и евреи. Острая и волнующая для обѣихъ сторонъ. Много было партіей пережито, изжито или просто забыто паденій, ошибокъ, моментовъ героизма и малодушія. Много испытано ударовъ справа и слѣва... Но еврейскій вопросъ въ кадетской партіи — это вѣчно ноющая, то и дѣло открывающаяся, рана. Ее залечиваютъ словами, парадами примиренія и единенія, ее тщательно скрываютъ отъ внѣшняго міра. А она нежданно, негаданно вдругъ исказитъ лицо партіи въ гримасу, вызывающую у однихъ крикъ негодующаго протеста, у другихъ желчную апатію наединѣ съ собой. Источники этого вѣчнаго несчастья кадетской партіи не случайные. Наоборотъ. Это несчастье ей на роду написано. Въ чемъ дѣло?

Не нужно много усилій, чтобы понять, что угнетенная національная группа въ различныхъ ея поперечныхъ и продольныхъ сѣченіяхъ является, при прочихъ равныхъ условіяхъ, элементомъ политически болѣе оппозиціоннымъ и нетерпѣливымъ, чѣмъ соотвѣтствующія группы „господствующей“ націи. У угнетаемой націи есть добавочныя страданія, добавочныя муки, и естественно, она въ общемъ и цѣломъ охвачена и добавочной оппозиціей режиму. Все это слишкомъ просто и понятно. „Да, именно потому—бросалъ въ лицо герман-

скимъ филистерамъ Берне,—что я родился рабомъ, свобода милѣе мнѣ, чѣмъ вамъ. Да, вслѣдствіе того, что я былъ обученъ рабству, я понимаю свободу лучше васъ... Когда наступитъ весна, мы увидимъ, кто зазеленѣетъ прежде: евреи или христіане.“ Не важно, кто при расцвѣтѣ нашей россійской весны зазеленѣетъ прежде, но несомнѣнно, что въ общемъ и цѣломъ еврейская интеллигенція зазеленѣла и краснѣла ярче и рѣшительнѣе. И до всякой весны еврейская интеллигенція являлась исконнымъ поставщикомъ идеологовъ и практиковъ крайней лѣвой и радикальная традиція приводила къ той формѣ „еврейскаго засилья“ въ освободительномъ движеніи, которая особенно выводила изъ себя реакцію и консервативные круги.

При такихъ условіяхъ кадетская партія взвалила на себя тяжкое бремя борьбы за еврейское равноправіе. Это было тяжкимъ бременемъ, потому что принципы политической умѣренности, все болѣе торжествовавшіе въ этой партіи, стояли въ рѣшительномъ антагонизмѣ съ настроеніями еврейской интеллигенціи, не говоря уже о рабочихъ массахъ, съ которыми партіи можно было считаться еще меньше, чѣмъ съ настроеніями русскихъ рабочихъ. Партія к.-д. знаменовала разрывъ съ политическими и общественными традиціями героическаго періода русской интеллигенціи, но эти традиціи были живыми нормами въ средѣ еврейской демократіи. Здѣсь свободу любили больше, потому что больше страдали отъ рабства. Здѣсь мускулы напрягались сильнѣе, потому что цѣпи были крѣпче.

За кадетами пошелъ рядъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей. Послѣдніе служили первымъ вѣрой и правдой. Но они кадетамъ не давали утѣшенія. Общественно-политическая сознательность еврейской массы и интелигенціи, тѣсный союзъ ея съ русской демократіей и выдающаяся роль, которую она въ этой демократіи играла, а съ другой стороны—прискорбная без-

цвѣтность еврейскихъ буржуазныхъ круговъ, мѣшали евреямъ-кадетамъ говорить съ полной увѣренностью въ партіи за еврейскій народъ, выдавать партіи довѣренность отъ его имени. Евреи, вошедшіе въ кадетскую партію, силой вещей оказались въ гораздо большей мѣрѣ, по выраженію моего товарища по брошюрѣ, кадетами моисеева закона, чѣмъ евреями кадетской вѣры. Они въ гораздо большей мѣрѣ были кадетами для евреевъ, чѣмъ евреями для кадетовъ. А партіи последнее было важнѣе перваго. Даръ, принесенный евреями въ партію, былъ скуденъ, потому что онъ взятъ былъ не изъ глубинъ народныхъ упованій, надеждъ и стремленій, а съ поверхности еврейской филантропіи и бюрократіи. Эти не могли перекинуть мостъ между партіей и еврейскимъ народомъ, и народъ такъ и не могъ оцѣнить стараній кадетовъ въ пользу равноправія. Въ еврейской массѣ все больше укоренялось сознаніе связи между „нашей" свободой и „вашей". Она мало симпатизировала формамъ борьбы к.-д. за „вашу" свободу, тѣмъ менѣе она могла цѣнить борьбу к.-д. за „нашу".

Тутъ мы уже стоимъ у начала того невытанцовывающагося романа между к.-д. и евреями, который за послѣднее время принялъ такія отталкивающія формы.

Но бѣда еще и въ томъ, что кромѣ гнета политическаго, ни одинъ народъ Россіи не испытываетъ на себѣ такого гнета предубѣжденій, подозрительности, антипатіи и ненависти, какой суммируется въ понятіи антисемитизма. Если кадетамъ, съ одной стороны, тяжко было принять на себя бремя, созданное избыточнымъ радикализмомъ національнаго сознанія евреевъ, то съ другой стороны не менѣе тяжко было и бремя, созданное все усиливавшимся въ обществѣ антисемитскими тенденціями. Партія дышала въ атмосферѣ, все болѣе насыщавшейся антисемитизмомъ. Вѣдь тутъ врагъ забрался въ самую сердцевину партіи. Вѣдь это никто

иной, какъ Петръ Струве, спеціалистъ по составленію манифестовъ, (соціалъ-демократическій и другіе, нѣсколько отличные) выпустилъ манифестъ, въ которомъ заявлялъ: „Нѣчто поднялось въ умахъ, проснулось и не успокоится. Это проснувшееся требуетъ, чтобы съ нимъ считались и посчитались".

Нѣчто проснувшееся было „національнымъ лицомъ" съ явными чертами антисемитизма, который тогда мягко назывался „асемитизмомъ". Затрудненіе заключалось въ томъ, что съ этимъ антисемитизмомъ, провозглашеннымъ лидеромъ кадетской партіи, надо было не только посчитаться, но и „считаться". П. Струве главнымъ образомъ считался. П. Милюковъ пробовалъ посчитаться. Онъ рѣшилъ, что наилучшимъ средствомъ одолѣнія врага явится увѣреніе окружающихъ въ томъ, что врагъ этотъ не серьезный, что интеллигентскій антисемитизмъ— это только „случайное, неуспѣвшее сознать себя переломленіе нашей политической невинности въ гнилой атмосферѣ нашей общественной реакціи. Когда эти люди— заключалъ Милюковъ, слѣпо произносящіе слова, реальный смыслъ которыхъ они забыли или не знали, встрѣтятся съ проекціей своихъ словъ въ живой дѣйствительности, я надѣюсь, что чувство реальности, нынѣ ими утерянное, къ нимъ вернется". П. Милюковъ надѣялся даже, „что время это придетъ скоро".

Прошло съ тѣхъ поръ мучительныхъ 6 лѣтъ. „Проекцій" было такъ много и были эти проекціи такъ ужасны, столь неотразимо наглядны, что казалось бы надежды неунывающаго П. Н. Милюкова должны были оправдаться въ полной мѣрѣ. Но теперь можетъ быть П. Н. Милюковъ убѣдился, что случилось какъ разъ наоборотъ. Можетъ быть 20 мѣсяцевъ войны показали ему, что „случайное переломленіе" стало органическимъ явленіемъ, что неосознанное переломленіе стало вполнѣ осознаннымъ. Партіи к. д. стало все труднѣе и труднѣе сосчитываться съ антисемитизмомъ и все больше и

больше надо было считаться съ національно-политическими тенденціями примыкающихъ къ партіи элементовъ, тронутыхъ ядомъ антисемитизма. Считаться надо было въ такой мѣрѣ, что въ кадетской партіи установилась своего рода свобода мнѣній по еврейскому вопросу и Петръ Струве—глашатай новой формы антисемитизма—долго оставался еще въ руководящихъ органахъ партіи. Съ антисемитизмомъ надо было считаться и одинъ изъ руководителей партіи В. Маклаковъ говорилъ въ III Г. Думѣ о томъ времени, когда антисемитизмъ перестанетъ быть антиморальнымъ. Его возмущало зрѣлище избіенія народа, прикованнаго къ тачкѣ, и онъ ратовалъ за равноправіе евреевъ, когда можно будетъ быть антисемитомъ безъ стыда и упрека. Съ антисемитизмомъ партіи приходилось считаться въ собственныхъ рядахъ и еще больше въ рядахъ той части либеральной русской интеллигенціи, въ умахъ и сердцахъ которой „нѣчто поднялось, проснулось и не успокоится".

Какъ партія со всѣмъ этимъ считалась въ моментъ, когда „нѣчто проснувшееся" причинило евреямъ муки, неизвѣданныя ими можетъ быть за всю свою исторію—мы увидимъ въ дальнѣйшемъ. Но какъ они сосчитывались съ антисемитскими настроеніями близкихъ ей и собственныхъ круговъ—этого мы не увидимъ, потому что этого не было. Выступленіе П. Струве, В. Маклакова и подпѣвавшихъ имъ членовъ партіи, ростомъ помельче, не вызвали никакой партійной реакціи.

Нельзя сказать, чтобы орудія партійнаго воздѣйствія на своихъ членовъ совершенно отсутствовали у кадетовъ. Когда во 2-ю сессію IV Г. Думы - членъ партіи В. Лашкевичъ въ сопровожденіи націоналистовъ и правыхъ поѣхалъ во Львовъ на процессъ украинцевъ для поддержки „москвофильцевъ", партійная конференція кадетъ признала поступокъ своего члена „недопустимымъ нарушеніемъ партійной дисциплины". Фракція

смягчила свой приговоръ, признавъ 6 мая 1914 года, что В. Лашкевичъ „совершилъ неосторожный поступокъ". Въ случаѣ съ П. Струве и Маклаковымъ надо было считаться съ антисемитизмомъ новѣйшей формаціи, въ случаѣ съ В. Лашкевичемъ надо было считаться съ политическими и національными тенденціями въ самомъ украинствѣ—оттого и результаты получились разные. „Асемитизмъ" простили „Москвофильство" надо было осудить. Въ этомъ и заключается драматизмъ кадетской партіи въ еврейскомъ вопросѣ: слишкомъ эта партія связана идейно, соціально и генетически съ той массой, гдѣ зрѣютъ плоды самоновѣйшаго великодержавнаго націонализма и антисемитизма, чтобы чувствовать себя достаточно свободной въ борьбѣ съ этимъ продуктомъ, гдѣ бы онъ не сказался. Если врагъ могъ забраться въ собственный домъ, то какъ же его выжить изъ окружающаго пространства...

Наступаютъ моменты и партія открыто сознается, что ей эта задача не по силамъ. Въ отчетѣ фракціи к. д. за первую сессію III-й Г. Думы мы находимъ такое указаніе. „Что касается возбужденія еврейскаго вопроса самостоятельно, фракція находила, что при яркомъ антисемитскомъ настроеніи значительной части Г. Думы, почва для такого почина совершенно не благопріятна". Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить—говоритъ пословица. Кадеты такъ и поступили—не пошли. Яркое антисемитское настроеніе было причиной того, что пришлось отказаться отъ рѣшительной борьбы—съ чѣмъ?—съ яркимъ антисемитскимъ настроеніемъ. Волки—оказывается—злющіе и кусаются. „Почва неблагопріятна",—надо свернуть въ сторону. Свернули.

Этотъ путь въ еврейскомъ вопросѣ партія избирала не разъ. Это былъ и остается тяжкимъ путемъ, крестнымъ путемъ для партіи, ибо приходится двигаться между Сциллой демократической требовательности и подозрительности политически развитыхъ элементовъ

еврейства и Харибдой націоналистическихъ и антисемитскихъ настроеній, бьющихся у стѣнъ кадетской партіи и мѣстами ихъ пробивающихъ. Это ужасное мучительное дѣло—одновременно считаться съ общественно-политической идеологіей столь противорѣчивыхъ элементовъ. Легче считаться только съ однимъ изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ. И если обстоятельства складываются преимущественно такъ, „что при яркомъ антисемитскомъ настроеніи... почва для такого почина совершенно не благопріятна“, то скажите, что дѣлать, что дѣлать, какъ ничего не дѣлать? А можетъ быть мѣшать дѣлать другимъ?

II.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Политика партіи к.-д. во время войны даетъ на эти вопросы почти исчерпывающій отвѣтъ. Но сначала маленькая экскурсія въ совсѣмъ недалекое прошлое. Было это всего за два съ лишнимъ мѣсяца до войны (12 мая 1914 г.) В. А. Маклаковъ стоялъ на кафедрѣ Г. Думы и говорилъ, обращаясь къ В. Пуришкевичу: „Членъ Г. Думы Пуришкевичъ, я вспоминаю нашъ другой споръ. Многое очень сходно съ той эпохой. Въ 1904 году все это общественное возбужденіе оказалось опаснымъ—и почему? Потому что страна была передъ испытаніемъ. И если мы это испытаніе съ Японіей не выдержали, то неужели потому, что мы слабѣе Японіи? Сбитая съ толку, обозленная страна не нашла въ себѣ моральныхъ силъ стать выше распрей съ правительствомъ. И я помню, какъ годъ тому назадъ членъ Г. Думы Пуришкевичъ говорилъ: новая война—это новая революція. Я ему возражалъ, я говорилъ: нѣтъ, война теперь, при новомъ порядкѣ, война въ той конъюктюрѣ, какъ намъ предрекаютъ, это та популярная война, гдѣ Россія забудетъ свои распри. Да, я говорилъ это искренно, но

вотъ годъ прошелъ, съ тѣхъ поръ, гг. и многое перемѣнилось; не я передумалъ, но я смотрю на это новое общественное настроеніе, смотрю на эту новую политику и долженъ сказать Пуришкевичу, что я уже съ такой увѣренностью возражать ему не рѣшусь".

Черезъ два мѣсяца и недѣлю послѣ этихъ словъ вспыхнула война. „Новая" политика и общественное настроеніе еще дальше пошли въ томъ направленіи, которое сбавило увѣренность В. Маклакова въ его спорѣ съ В. Пуришкевичемъ. Однако увѣренность В. Маклакова и его партіи какъ разъ въ этотъ моментъ выросла до огромныхъ размѣровъ. Въ чемъ же дѣло? В. Маклаковъ и партія рѣшили, что если они на эту „новую" политику не будутъ смотрѣть, какъ В. Маклаковъ смотрѣлъ на нее 12 мая 1904 года, то, свободная отъ дурного глаза отвѣтственной оппозиціи, она станетъ совсѣмъ иной. Рѣшено—сдѣлано. Ни одно свое рѣшеніе партія не проводила столь неукоснительно, скоро, точно и рѣшительно, какъ это.

Дѣло, однако, было въ томъ, что рѣчь В. Маклакова, которую мы цитировали, посвящена была еврейскому вопросу, точнѣе дѣлу Бейлиса. И именно политика въ этомъ вопросѣ вдохновила оратора на рядъ воспоминаній о своихъ бесѣдахъ съ В. Пуришкевичемъ. 12 мая 1914 года партія к.-д. обладала, какъ видно, еще довольно острой памятью. Черезъ два мѣсяца съ лишнимъ партія не только лишилась памяти, но потеряла и зрѣніе. Она все забыла, перестала видѣть. И полнѣе всего это безпамятство и слѣпота сказались въ той области, которая всего два мѣсяца назадъ столь обострила и память и сообразительность кадетсяго лидера.

Многіе тогда потеряли память, но не всѣ. Во первыхъ ровно ничего не забыли авторы „новой" политики, продолжая долбить по тому же самому мѣсту. А затѣмъ даже въ особыхъ условіяхъ думскаго засѣданія 26 іюля 1914 года трудовая группа сумѣла все таки напомнить,

что „власть наша даже въ этотъ страшный часъ не хочетъ забыть внутренней распри... не хочетъ примириться съ нерусскими народностями“.

П. Милюковъ рѣшительно съ этимъ не согласился. „Въ этой борьбѣ, утверждалъ онъ, мы всѣ заодно“. Отъ того что прекратилась распря между Павломъ Николаевичемъ кадетскимъ и Павломъ Николаевичемъ Крупенскимъ, первый вообразилъ, что прекратилась и та распря, о которой говорилъ членъ Государственной Думы А. Керенскій. 12 мая партія еще помнила, что эта распря имѣетъ огромное значеніе въ обстановкѣ, подобно наступившей черезъ 1½ мѣсяца, 26 іюля это рѣшительно уже было забыто, хотя эта „распря“ къ тому моменту еще болѣе усилилась, готовясь къ такому расцвѣту, какого исторія евреевъ Россіи еще не знала. Кадетская Ѳедора твердо помнила только одно: „чтобъ не ныла жалобой“, обѣщая устами П. Милюкова заныть „когда настанетъ время“.

Прошло полъ года. Небывалый расцвѣтъ, о которомъ мы говорили выше, обнаружился съ ослѣпительнымъ блескомъ, совершенно невыносимымъ для глазъ человѣка XX вѣка. Кадетская Ѳедора точно слѣдовала какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ заданіямъ, изображеннымъ графомъ Алексѣемъ Толстымъ, хотя, въ отличіе отъ героини его поэмы, совершенно добровольно и даже съ нѣкоторой удалью во взорѣ. Про кадетовъ и „Рѣчь“ нельзя было говорить словами Т. Шевченко, что они „молчатъ, бо благоденствуютъ“. Они совсѣмъ не благоденствовали. Но они молчали, бо желали благоденствовать.

Полъ года кадеты не ныли жалобой — до созыва Государственной Думы въ январѣ 1915 г. Но когда была созвана Г. Дума и затѣмъ вновь была распущена на полъ года, то тактика эта продолжалась.

Обозрѣвая этотъ періодъ до роспуска Г. Думы въ январѣ 1915 года, П. Милюковъ въ своемъ докладѣ „о

тактикѣ фракціи народной свободы во время войны", не можетъ ею нахвалиться. „Партія, сыгравшая рѣшительную роль въ установленіи единодушія Думы и общественнаго мнѣнія, тѣмъ самымъ сразу разрушила преграды партійныхъ предразсудковъ, старыхъ упрековъ и клеветъ, стоявшихъ на ея пути. Партію поняли такъ полно и широко, какъ никогда не понимали раньше". Словомъ партію к.-д. поняли полно и широко только тогда, когда она, конечно на время, полно и широко разсталась со своимъ политическимъ багажемъ. Партію поняли необычайно полно и широко только тогда, когда она набрала воды въ ротъ по самымъ жгучимъ вопросамъ, среди которыхъ самый жгучій, просто жгущій, нестерпимо мучительный былъ вопросъ о „розни" съ тѣми, чье равноправіе к.-д. взялись отстаивать. И въ мирное время по адресу партіи направлено было много упрековъ, пускай и клеветъ, относительно ея поведенія въ еврейскомъ вопросѣ. Но оказывается, именно тогда, когда этотъ вопросъ пріобрѣлъ трагическую остроту, а молчаніе о немъ кадетовъ позорный характеръ, именно тогда пала преграда „упрековъ и клеветъ".

О, да, онъ правъ, П. Н. Милюковъ. Въ это время, еврейскія массы, жившія и умиравшія тамъ и здѣсь, „партію поняли такъ полно и широко, какъ никогда не понимали раньше". И еще онъ правъ—можетъ быть и реакція поняла его партію въ тотъ только періодъ такъ полно, какъ онъ никогда не хотѣлъ и не хочетъ вѣроятно, чтобы она еще когда нибудь понимала. Она поняла, что кличка „жидокадеты" была гнусной клеветой.

Счастливъ, однако, не тотъ, кто добился чего хотѣлъ, а кто хочетъ того, чего добился. „То, что было перемиріемъ, они поняли, какъ капитуляцію, развязывавшую имъ руки" — пишетъ П. Милюковъ, о министерствѣ Щегловитова и Маклакова. „Эта облегченная свобода дѣйствій тотчасъ (курсивъ нашъ) сказалась на усиленіи націоналистической политики". Совершенно вѣрно,

БИБЛИОТЕКА
„СЕВЦЕНТРОПЕЧАТИ"
Инв. №
Шифр. кн.

перемиріе тотчасъ же сказалось на усиленіи націоналистической политики. И евреи это почувствовали сильнѣе всего.

Но совершенно несправедливы упреки Маклакову и Щегловитову. То, что они поняли, они поняли совершенно правильно. Ибо „перемиріе“ гдѣ одна сторона складываетъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ оружіе, не ставя противнику абсолютно никакихъ условій для настоящаго и будущаго,—такое „перемиріе“ и есть капитуляція, если бы даже не было готовности у сложившихъ или отложившихъ оружіе забыть, какъ это имѣло мѣсто, и все прошлое.

Маклаковъ и Щегловитовъ васъ плохо поняли? Но вы вѣдь еще хуже поняли Щегловитова и Маклакова. А вы вѣдь обязаны быть понятливѣе. Вѣдь не только „тотчасъ“ послѣ этого изумительнаго въ исторіи міровой стратегіи „перемирія“, но и непосредственно передъ тѣмъ Щегловитовъ и Маклаковъ дали достаточно матеріала для того, чтобы ихъ понять и никого они въ заблужденіе не вводили. Они здѣсь ни въ чемъ не повинны. Не они васъ, а вы ихъ не поняли! И тутъ совершилось преступленіе, которое „тотчасъ“ сказалось на усиленіи націоналистической политики.

Но читатель не знаетъ еще всего коварства политики Щегловитова и Маклакова. Огорошенный неблагодарностью реакціи, Милюковъ сообщаетъ, что „противникамъ тактики к.-д. „слѣва“ эта политика только облегчила борьбу. Не выжидая тѣхъ послѣдствій, на которые эта тактика была разсчитана, они указывали на факты, всѣмъ извѣстные и всѣхъ волновавшіе,—и старались доказать, что эти факты и есть то послѣдствіе, къ которому приводила тактика к.-д.“. Дѣло значитъ обстояло такимъ образомъ. Была облегченная свобода дѣйствій, которая тотчасъ же сказалась на усиленіи націоналистической политики. Это было послѣдствіемъ перемирія, правда плохо понятаго. Но вѣдь такое по-

слѣдствіе было. Кадеты однако ждали другихъ послѣдствій. И вотъ, оказывается, были лѣвые, которые, достаточно насытившись послѣдствіями уже наступившими, не желали выжидать послѣдствій, которыя должна была принести кадетская тактика въ будущемъ. Это было ужасно. Лѣвые стали кричать „караулъ", когда кадеты строго разсчитали, что надо все еще кричать „ура". Сотни тысячъ людей, милліоны испытывали на себѣ послѣдствіе ложнаго пониманія Маклаковымъ Милюкова,

—не хотѣли выжидать послѣдствій тонко придуманной тактики,

портили, — невѣжественные! — чертежи П. Н. Милюкова.

Старательно собралъ ихъ вмѣстѣ авторъ и когда въ январѣ открылась Г. Дума имѣлъ честь ихъ вторично продемонстрировать. „Открытая критика—пишетъ въ своемъ докладѣ П. Милюковъ—при тогдашнемъ общемъ положеніи въ странѣ и на фронтѣ, при неукрѣпившемся еще достаточно представленіи въ широкихъ кругахъ о значеніи новой тактики фракціи, могла бы оказать дѣйствіе, обратное тому, которое имѣлось въ виду. Нападки оппозиціи на нежелательные элементы правительства, положеніе которыхъ уже начало колебаться, могли бы только укрѣпить и упрочить ихъ положеніе". Народамъ Россіи вновь предлагалось ждать, во-первыхъ до того момента, когда они въ совершенствѣ усвоятъ „значеніе новой тактики фракціи", во-вторыхъ до того момента, когда „нежелательные элементы правительства" упадутъ естественно, никѣмъ не подталкиваемые, по законамъ всеобщаго тяготѣнія. Во второй разъ профессоръ П. Милюковъ прогонялъ, какъ первокурсниковъ съ экзамена, народы Россіи, обнаружившіе „неукрѣпившіяся" познанія въ курсѣ кадетской тактики. Сама же партія замерла, не дыша, вокругъ колебавшихся „нежелательныхъ элементовъ правительства", цѣпенѣя при мысли, что каждое ея дыханіе можетъ

прервать теченіе процесса министерской отставки.

„Падающаго — толкни“ — гласитъ старая мудрость. „Ш-ш-ш-ш—ни съ мѣста, не дышать“—со злодѣйскимъ выраженіемъ лица таинственно зашептала партія, увидѣвъ падающаго. И только, когда собралась бюджетная комиссія въ тиши кабинета, безъ свидѣтелей, П. Милюковъ заговорилъ. Что онъ тамъ говорилъ—Россіи, занятой повторительнымъ курсомъ кадетской тактики, осталось неизвѣстнымъ. Лишь въ февралѣ 1916 года онъ самъ объ этомъ разсказалъ въ своемъ докладѣ „о военной тактикѣ“. „П. Н. Милюковъ—читаемъ мы—началъ свою рѣчь съ указанія на необходимость съ величайшей заботливостью хранить внутреннее единство. Вмѣсто этого, говорилъ онъ, возникаютъ и усиливаются центробѣжныя стремленія. Онъ прослѣдилъ далѣе ихъ возникновеніе—въ политикѣ относительно печати и въ отношеніи къ національнымъ вопросамъ... Настроеніе національностей портится, благодаря узко націоналистической политикѣ, которая, несмотря на войну, осталась неизмѣнной... Другой рядъ фактовъ свидѣтельствовалъ о тенденціяхъ въ еврейскомъ вопросѣ, начавшихъ тогда выясняться“.

П. Милюковъ, значитъ, уже зналъ, что настроеніе національностей портится. Для него уже начали, правда нѣсколько поздно, выясняться тенденціи въ еврейскомъ вопросѣ. Надо было, стало быть, вновь исправить настроеніе національностей. Вѣроятно, (мы впрочемъ можемъ это и утверждать), что это настроеніе не такъ бы быстро портилось, если бы эти національности видѣли, что есть среди господствующихъ классовъ Россіи силы, которыя имѣютъ мужество открыто выступить противъ того, что такъ портило настроеніе національностей. Подумала ли к.-д. партія, что настроеніе должно было стать въ корнѣ испорченнымъ, разъ національности не видѣли никакой абсолютно поддержки

со стороны вліятельныхъ круговъ русскаго либерализма? Въ то время, какъ національности переживали „рядъ фактовъ“, что̀ въ поведеніи этихъ круговъ могло внушить имъ увѣренность, что противъ этого „ряда фактовъ“ будетъ предпринята рѣшительная борьба? Вѣдь портили настроеніе не столько факты, сколько убійственное, постыдное равнодушіе тѣхъ, кто съ этими фактами призванъ бороться. „Фактовъ“ національности знали много и до войны. Но именно тогда, когда эти факты стали совершенно нестерпимыми, именно тогда русскіе либеральные круги и во главѣ ихъ кадеты, не только отказались отъ борьбы съ ними, но даже препятствовали ихъ оглашенію, скрывая ужасную ихъ правду. И будущій историкъ государственнаго сознанія населяющихъ Россію народовъ, если этимъ историкомъ не будетъ П. Н. Милюковъ, долженъ будетъ признать, что величайшимъ, мучительнымъ испытаніемъ для этого сознанія послужила не „военная тактика“ Маклакова и Щегловитова, отъ которыхъ все равно народы Россіи никогда ничего хорошаго не ждали, а „военная тактика“ русскаго либерализма, сначала развязавшаго руки „нежелательнымъ элементамъ правительства“, а затѣмъ, уже убѣдившись, что̀ эти развязанныя руки сдѣлали, молчавшаго и укрывавшаго.

Народы имперіи были связаны

с ъ русскимъ обществомъ и

народомъ. Но въ эти страшные дни народъ молчалъ, могли говорить только его представители. На этой послѣдней связи держалось единство, вѣра въ э т и связи противодѣйствовала „центробѣжнымъ стремленіямъ“. И кто же, какъ не русскіе либеральные круги подрывали вѣру въ эти связи, вселяли отчаянье въ тѣхъ, чье міросозерцаніе базировалось на силахъ центростремительныхъ, кто, какъ не русскіе либеральные круги во главѣ съ кадетами своимъ бездѣйствіемъ и безмолвіемъ питали настроеніе центробѣжныхъ элементовъ?

III.

27 января собралась Г. Дума. Изъ устъ Чхеидзе и Керенскаго донеслось слово сочувствія и поддержки. Послѣдній прямо подошелъ къ той темѣ о порчѣ настроенія, какую поставилъ П. Милюковъ. Керенскій говорилъ о „минутахъ отчаянья и сомнѣнія", переживаемыхъ угнетенными національностями Россіи. Чхеидзе первый въ Г. Думѣ заговорилъ о навѣтѣ на евреевъ. Тему П. Милюкова разработали въ Г. Думѣ его сосѣди слѣва. Самъ же П. Милюковъ, еще два дня тому назадъ горевавшій о порчѣ настроенія, вдругъ ощутилъ въ себѣ самомъ прекрасное настроеніе и сказалъ въ Г. Думѣ прямо противоположенное тому, что въ засѣданіи бюджетной комиссіи. 25 января въ бюджетной комиссіи онъ говорилъ объ усиленіи „центробѣжныхъ стремленій", 27 января въ Г. Думѣ онъ отъ имени фракціи былъ „счастливъ повторить послѣ всѣхъ выслушанныхъ здѣсь заявленій національностей, что испытанія пережитыя одними, и тяжелое положеніе другихъ не ослабили ихъ связи съ родной страной, а великая общая наша задача укрѣпила и закалила ихъ сознаніе принадлежности къ единому цѣлому". Когда же П. Н. Милюковъ говорилъ правду: 25 января 1915 г. или 27? И если онъ правду говорилъ 25-го, то сказавши неправду 27-го поправилъ ли онъ настроеніе, которое

начало портиться? Далъ ли онъ 27-го хоть тѣнь надежды евреямъ, что тотъ рядъ фактовъ и тѣ тенденціи въ еврейскомъ вопросѣ, о которыхъ онъ говорилъ 25-го, встрѣтятъ со стороны сливокъ россійскаго великодержавнаго либерализма хоть какой нибудь отпоръ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было найти по аналогіи. 25 января П. Милюковъ говорилъ по его словамъ „относительно преслѣдованія національно-культурныхъ особенностей мѣстнаго національнаго населенія" въ Галиціи, а 27-го января онъ сообщилъ о томъ, что „мы съ удовлетвореніемъ выслушали сообщеніе руководителя нашей внѣшней политики", въ которомъ между прочимъ указывалось, что „такъ называемое украинское" движеніе искусственно поддерживалось „на присылаемыя изъ Берлина деньги". П. Милюковъ разсказываетъ въ своемъ отчетѣ, что удовлетвореніе, съ котовымъ кадеты выслушали сообщеніе С. Д. Сазонова, вызвало недовольство украинцевъ. Но П. Милюковъ находитъ, что „въ данномъ случаѣ общее содержаніе и тонъ рѣчи не дозволяли коснуться этого обстоятельства". И вотъ оно роковое: общее содержаніе и тонъ кадетскихъ рѣчей не дозволяли касаться самыхъ ужасныхъ обстоятельствъ, хотя ихъ до зарѣзу необходимо было касаться. Государственная партія, партія центростремительная, роковымъ образомъ избрала тонъ и содержаніе своихъ рѣчей, которые могли только укрѣпить „центробѣжное стремленіе". Партія глядѣла далеко на Босфоръ и Дарданеллы и понятно взглядъ ея не могъ сосредоточиться на томъ, что слишкомъ близко. Десятилѣтіями питались центробѣжныя стремленія, но такую пищу, какую имъ дала „военная тактика" к.-д., онѣ не получали въ самые мрачные періоды націоналистической реакціи.

Прошло еще пять мѣсяцевъ, ужасныхъ для еврейскаго народа. Тактика молчанія потерпѣла жестокій крахъ, опозорила себя въ несчастіяхъ пережитыхъ Рос-

сіей и ея народами. Плоды навѣта были у всѣхъ передъ глазами. Было это все слишкомъ страшно, чтобы можно было молчать далѣе. 19 іюня собралась Г. Дума и повѣдала странѣ ужасную правду. Кадетская партія, выжидавшая покуда народы Россіи основательно подготовятся къ экзамену по курсу кадетской тактики, сама должна была сдать передъ народами Россіи экзаменъ политическаго мужества. Но съ первыхъ же дней она позорно провалилась и провалилась именно на еврейскомъ вопросѣ.

Теперь ужъ намъ трудно вновь воспроизвести въ своемъ сознаніи, вновь перечувствовать то настроеніе острой боли, глубокой обиды и яркаго негодованія, которыя вылились въ рѣчахъ даже весьма умѣренныхъ депутатовъ, впрочемъ преимущественно въ ихъ рѣчахъ. Сотую часть того, что было за годъ войны съ евреями разсказалъ депутатъ Фридманъ. Но и эта капля въ морѣ національныхъ страданій могла даже мертваго поднять на ноги для борьбы съ навѣтомъ, принесшимъ такую бездну несчастій. Что же сдѣлали для этого кадеты, пошедшіе съ думскимъ большинствомъ? Они голосовали за формулу перехода, въ которой фраза, позаимствованная изъ деклараціи Горемыкина, базировалась какъ разъ на этомъ навѣтѣ. Фраза эта говорила о необходимости „благожелательнаго вниманія власти къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ Россіи гражданъ безъ различія вѣры, языка и племени". Это говорилось тогда, когда во всѣхъ трущобахъ и салонахъ раздувалась легенда о невѣрности Россіи одного племени — именно евреевъ. Какъ же отнеслась къ этому кадетская фракція? Дадимъ слово П. Милюкову.

„Съ перваго дня сессіи фракція народной свободы, лучше подготовленная чѣмъ остальныя, и вѣрная основной идеѣ своей „военной тактики", явилась какъ бы идейной руководительницей думскаго большинства. Довѣріе этого большинства къ фракціи сказалось пре-

жде всего въ той формулѣ перехода, которая была внесена какъ результатъ общихъ преній. Формула эта была обсуждена при участіи представителей фракціи, чѣмъ объясняется внесеніе въ нее части, составлявшей сжатое резюме выступленій фракціоннаго оратора". Однако эта „какъ бы идейная руководительница думскаго большинства", потерпѣла отъ этого большинства пораженіе, такъ какъ при предварительномъ и окончательномъ также редактированіи формулы оно не хотѣло отказаться отъ націоналистически двусмысленной фразы о „вѣрныхъ гражданахъ", вслѣдствіе чего формула, въ которой, по словамъ П. Милюкова, сказалось довѣріе большинства къ кадетамъ, была внесена безъ именъ „идейныхъ руководителей".

Кадеты отказались дать свою подпись подъ формулой. Значитъ они понимали, чѣмъ эта фраза пахнетъ, если виновникъ идейнаго торжества не хотѣлъ сѣсть вмѣстѣ съ другими за пиршественный столъ? Похоже на то, что понимали. На провѣрку, однако, вышло, что дошли они до этого понятія не собственнымъ умомъ, а при помощи Маркова 2-го. До вмѣшательства Маркова 2-го все обстояло какъ нельзя болѣе прекрасно. „Когда мы вчера слышали—говорилъ въ Г. Думѣ 20 іюля П. Милюковъ—слова предсѣдателя совѣта министровъ о томъ, что всѣ вѣрные граждане должны пользоваться одинаковымъ вниманіемъ безъ различія племени, языка и вѣры, то намъ не приходила въ голову мысль, чтобы въ такой день, когда съ этого мѣста должны были раздаваться слова, призывающія къ единенію всѣхъ народностей Россіи и къ возбужденію чувства патріотизма въ этихъ народностяхъ, можно было въ этихъ словахъ заподозрить скрытый подвохъ по отношенію къ нѣкоторымъ народностямъ или къ нѣкоторымъ членамъ этихъ народностей, которые какъ бы выдѣляются отъ другихъ и признаются невѣрными". Голова кадетовъ, какъ видите, была свободна отъ какихъ бы то ни

было мрачныхъ мыслей и подозрѣній. Мало того, рѣчь Горемыкина и именно части ея относящіеся къ національному вопросу настроили кадетовъ на особенно благодушный ладъ. „Я привѣтствовалъ заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ какъ доказательство, что правительство считаетъ не правильной прежнюю свою національную политику и готово ее перемѣнить".

Но тутъ случилось нѣчто ужасное: какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Н. П. Милюковъ привѣтствовалъ отъ полноты своей политической благодарности Горемыкина за его намѣренія въ національномъ вопросѣ, какъ разъ въ этотъ моментъ Марковъ 2-й, не сходя съ мѣста, крикнулъ П. Милюкову, что Горемыкинъ вѣдь говорилъ только о „вѣрныхъ" гражданъ. Былъ ли въ этотъ моментъ Марковъ 2-й злымъ Мефистофилемъ, нарушившимъ идиллію Фауста съ Маргаритой, или тѣмъ невиннымъ мальчикомъ изъ сказки Андерсена, который крикнулъ, что король то вѣдь голенькимъ ходитъ—это рѣшить трудно, только въ этотъ самый моментъ П. Н. Милюковъ почувствовалъ тройное оскорбленіе: за себя, за народы Россіи и за предсѣдателя совѣта министровъ также.

„Вотъ—продолжалъ онъ—когда эти слова были истолкованы какъ оговорка, истолкованіе по моему оскорбительное и для тѣхъ народностей, которые здѣсь кѣмъ то подразумѣваются, я не знаю какіе,—оскорбительное и для самаго предсѣдателя совѣта министровъ, который не могъ разумѣть эти слова въ этомъ смыслѣ,—то я считаю, что мы лучше всего избѣгнемъ этого печальнаго недоразумѣнія, если произведемъ маленькое измѣненіе въ словахъ". Маленькаго измѣненія въ словахъ Г. Дума произвести не желала. Тогда кадетская фракція голосовала за формулу и безъ маленькаго измѣненія.

На другой день „Рѣчь" взялась за истолкованіе позорной исторіи. „Само по себѣ—писала газета—выра-

женіе это могло быть понято какъ однозначущее съ выраженіемъ „всѣ граждане". Особенно странно было бы придавать такое оскорбительное значеніе фразѣ И. Л. Горемыкина въ тотъ моментъ, когда и правительство и Г. Дума одинаково стремятся поддержать единеніе національностей Россіи".

Но вѣдь, фракція уже имѣла достаточно горькій опытъ, когда объявленное ею перемиріе было, какъ жаловался П. Н., сочтено за капитуляцію. Гдѣ же она взяла гарантію въ томъ, что фраза о „вѣрныхъ гражданахъ" не будетъ понята какъ свобода дѣйствій по отношенію къ тѣмъ, которыхъ усиленно рекомендовали въ качествѣ невѣрныхъ? Для антисемитски и націоналистически настроеннаго большинства Г. Думы, фраза о благожелательномъ вниманіи ко всѣмъ вѣрнымъ Россіи гражданамъ, имѣла смыслъ какъ бы нѣкоей амнистіи, объявляемой въ торжественный часъ всѣмъ преступникамъ, за исключеніемъ особенно тяжкихъ. Это были невѣрные. Самая конструкція формулы въ точномъ соотвѣтствіи (и повтореніи) рѣчи Горемыкина, ставила національный вопросъ на почву милостей. Здѣсь фраза о „вѣрныхъ" была органически связана со всѣмъ духомъ формулы и недаромъ деп. Бенигсенъ на этой цѣльности формулы такъ настаивалъ. Исключеніе слова „вѣрныхъ" ничуть не измѣнила бы основной порочности всей формулы. И разъ партія к. д. голосовала за предательскую формулу, ничего не оставалось дѣлать, какъ голосовать и за предательскую ея фразу. Партія была вѣдь убѣждена, что „правительство стремится поддержать единеніе національностей Россіи".

Утѣшеніемъ служила еще пріятная увѣренность, что „вся та часть оппозиціи, которая голосовала за формулу, конечно, не связывала и не будетъ связывать съ ея выраженіями обиднаго для какой либо національности содержанія". Числился ли тогда уже Бенигсенъ въ оппозиціи, которая не связывала обиднаго содержа-

нія, неизвѣстно. Но черезъ самое короткое время онъ въ порядкѣ осуществленія благожелательнаго вниманія, сочинилъ проектъ объ отмѣнѣ ограниченій для цѣлаго ряда національностей. Будучи спрошенъ сотрудникомъ газ. „Рѣчь" почему въ октябристскомъ проектѣ ничего не сказано ни про евреевъ ни про грузинъ—Бенигсенъ отвѣтилъ: „мы имѣемъ въ виду національности, выдѣлившіяся въ послѣднее время". „Рѣчь" это напечатала безъ коментарій. И воистину коментаріи излишни. Евреи и грузины оказались недостойны благожелательнаго вниманія, какъ не „выдѣлившіеся". Вотъ когда кадетамъ слѣдовало бы провѣрить обидное или не обидное содержаніе для какой либо національности связывается съ формулой о вѣрныхъ гражданахъ.

IV.

Мы не поймемъ всей этой системы крайне неряшливаго и легкомысленнаго обращенія съ однимъ изъ самыхъ трагическихъ вопросовъ національной политики безъ учета основной тенденціи кадетской тактики. А заключается она въ слѣдующемъ: кадетской партіи до зарѣзу нужно родней счесться съ общественными силами, господствующими на аренѣ русской государственности. У партіи не было и нѣтъ опоры въ низахъ—ей нужно, слѣдовательно, крѣпко уцѣпиться за верхи. Основной историческій конфликтъ русской жизни ей представляется конфликтомъ идей, и для преодолѣнія идей, господствующихъ на верхахъ, партіи нужно стать къ нимъ съ возможной близостью. Верхи надо уговорить, заговорить, расположить къ системѣ идей либеральнаго пошиба. При этомъ существуетъ величайшая опасность, что элементы, вѣрящіе болѣе въ логику политической силы, чѣмъ въ силу политической логики, прервутъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ успѣшно, по мнѣнію партіи, развивающійся діалогъ, въ которомъ на ея сторонѣ всѣ преимущества таланта, знаній, честности, преданности общимъ интересамъ и т. д. Надо людей уговорить, а затѣмъ можно будетъ и сговориться насчетъ должнаго образа ихъ поведенія въ странѣ.

Въ 1915 г. партіи показалось, что она никогда такъ

близко не стояла къ осуществленію этого идеала, какъ въ тотъ моментъ. „Фракція народной свободы заняла въ это время ту патріотическую позицію—пишетъ въ партійной брошюрѣ о парламентскомъ блокѣ—Корниловъ, которая дала ей для нея самой неожиданно, руководящее значеніе даже въ этой IV-й Г. Думѣ". „Съ перваго дня сессіи фракція народной свободы... явилась какъ бы идейной руководительницей думскаго большинства"—пишетъ съ торжествомъ П. Милюковъ.

Два тяжкихъ момента отравляли оптимистическое расположеніе духа партіи: недовѣріе низовъ къ ея демократизму и недовѣріе верховъ къ ея государственности и патріотичности. Послѣднее подозрѣніе пало. Партія одержала побѣду—огромную побѣду: въ ея государственность и патріотизмъ увѣровали Пуришкевичъ, Крупенскій, Бобринскій, Савенко и прочіе герои націоналистической травли. „Слѣдующій послѣ первыхъ засѣданій день 21 іюля, пишетъ Милюковъ, принесъ партіи еще одну побѣду, которой она можетъ гордиться". А. И. Шингаревъ попалъ въ предсѣдатели военно-морской комиссіи. А. И. Шингаревъ, не утерявшій еще нѣкоторыхъ аллюровъ, свойственныхъ крамольному сословію земской статистики, попалъ въ такіе салоны, которые наврядъ ли снились автору „вымирающей деревни", прослѣдившему строгую закономѣрность въ деревенскомъ укладѣ между хлѣбомъ въ печи и тараканомъ на печи.

Государственная партія поплыла въ такихъ эмпиреяхъ, что у нея прямо голова закружилась. Нынѣ отпущаеши, могли съ чувствомъ удовлетворенія сказать кадеты. Кадеты руководятъ Савенко и Крупенскимъ. „Выдержалъ экзаменъ на министра!"—крикнулъ деп. Сухановъ А. И. Шингареву. „Это былъ яркій символъ создавшагося положенія", ликуетъ П. Милюковъ. Это было,

вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящимъ опроверженіемъ старыхъ клеветъ и обвиненій, взводившихся на партію.

Клеветники и оклеветанные подали другъ другу руку. Въ августѣ родился и плодъ любви счастливой— „прогрессивный блокъ". 9-го августа на квартирѣ у М. В. Родзянко онъ получилъ крещеніе. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, каждый изъ супруговъ полагалъ, что дѣтище какъ капля на каплю похоже на него. Стали дѣтище обряжать въ программу. Тутъ дѣло пошло не такъ гладко. „Соглашеніе, разсказываетъ А. Корниловъ, достигнуто было не безъ труда и переговоры нѣсколько разъ грозили оборваться. Представителямъ партіи народной свободы и прогрессистамъ пришлось смягчить и ограничить въ особенности тѣ требованія, направленныя въ сторону водворенія внутренняго мира, которыя касались амнистіи лицъ, осужденныхъ за политическія преступленія и равноправности различныхъ народностей, входящихъ въ составъ россійскаго государства". П. Милюковъ разсказываетъ, что „очень упорные споры возникли здѣсь и на слѣдующемъ засѣданіи, 19-го августа со стороны націоналистовъ, по вопросу польскому и еврейскому. По первому вопросу пришлось даже ограничиться условной формулой, прикрывавшей принципіальныя разногласія чисто внѣшнимъ образомъ". А по второму? Объ этомъ—увы— П. Милюковъ ни слова больше не сообщаетъ. Очевидно, результатъ здѣсь ему представляется болѣе удачнымъ.

Посмотримъ. Пунктъ 7-й программы блока гласитъ:

„Вступленіе на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ, въ частности дальнѣйшіе шаги къ отмѣнѣ черты осѣдлости, облегченіе доступа въ учебныя заведенія и отмѣна стѣсненій въ выборѣ профессій, возстановленіе еврейской печати".

Что думали кадеты по поводу этого пункта—намъ неизвѣстно. И остается прибѣгнуть къ тому истолкованію его, которое дано было въ Г. Думѣ В. В. Шульги-

нымъ. Мы еще и потому принимаемъ его рѣчь къ руководству, что П. Н. Милюковъ сдѣлалъ ей въ своемъ докладѣ о военной тактикѣ множество комплиментовъ: „просто и сильно“, „удачно“, „искренно и откровенно“. Такая горячая рекомендація такого авторитетнаго политическаго дѣятеля должна насъ снабдить достаточнымъ терпѣніемъ, чтобы выслушать довольно длинные отрывки замѣчательной рѣчи. Возражая правымъ на ихъ истолкованіе программы блока В. В. Шульгинъ говорилъ:

„Тутъ было употреблено слово „равноправіе“ евреевъ. Конечно, гг. всякій, кто читалъ эту программу долженъ сказать, что для того, чтобы изъ этого вывести понятіе о равноправіи евреевъ, нужно сдѣлать какой-то очень большой скачекъ, который тутъ не указанъ. Но принципіально нашъ взглядъ на это дѣло мнѣ кажется нужно высказать уже теперь. Я лично отношусь къ этому дѣлу такъ: я считаю, что неравноправіе евреевъ есть крайне тяжелая цѣпь для обѣихъ сторонъ... Вѣдь только для слабаго русскаго народа еврей страшенъ, потому что еврей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ силенъ; слѣдовательно до тѣхъ поръ, пока мы сохраняемъ неравноправіе, мы этимъ самымъ признаемъ извѣстную слабость русскаго народа. И слѣдовательно наши усилія въ этомъ дѣлѣ должны идти параллельно. Усиливая съ каждымъ днемъ экономическую, умственную и духовную мощь русскаго народа, мы можемъ ослаблять ограниченія евреевъ. Эти два процесса должны течь совершенно параллельно и къ этому мы должны стремиться. Въ концѣ, въ идеалѣ, конечно, есть равноправіе, но когда вы до этого дойдете—это вѣдь въ вашихъ рукахъ. Когда вы сдѣлаете народъ настолько сильнымъ, что онъ можетъ это выдержать, тогда эта минута наступитъ. Гг., по этому вопросу у насъ во фракціи, какъ и во многихъ другихъ, положеніе было очень тяжелое“... Но выручилъ, какъ это бываетъ въ трогательныхъ русскихъ повѣстяхъ, выручилъ простой русскій

мужикъ. „Главнымъ мотивомъ была рѣчь одного изъ нашихъ крестьянъ. Онъ сказалъ намъ: „Чего вы господа очень ужъ боитесь. Конечно, народъ еще теменъ, еще не совсѣмъ силенъ, но ужъ не такъ, какъ вы думаете... мы уже немного торгуемъ сами, а если дадите то, другое, третье, будемъ торговать больше, да и развитіе немножко сильнѣе; вы ужъ очень боитесь. Не бойтесь такъ... Я говорю, продолжалъ Шульгинъ, что это насъ до извѣстной степени успокоило, тѣмъ болѣе, что если говорить о томъ, что здѣсь написано, то собственно смѣшно объ этомъ разговаривать. Если говорить о чертѣ осѣдлости, то она снята не вашимъ и не нашимъ или какимъ нибудь инымъ желаніемъ, а она снята военными событіями, такъ что нечего разговаривать по этому вопросу. Но я утверждаю, что вообще въ еврейскомъ вопросѣ нужно какъ бы пробовать: принять маленькую мѣру и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ, какъ это отразится, выдержитъ это Россія или не выдержитъ, какія это вызываетъ послѣдствія. И если это вызываетъ послѣдствія, возможныя, надо двинуться впередъ, а если нельзя, надо остановиться. Вотъ процессъ совершенно правильный: идти наощупь, пробовать, что можно дѣлать".

Такъ разъяснялъ еврейскій вопросъ въ программѣ блока лучшій представитель огромнаго его большинства. А партія, начертавшая на своемъ знамени еврейское равноправіе, пошла въ еврейскомъ вопросѣ рядомъ съ покаявшимися вдохновителями погромовъ и съ огромной арміей антисемитовъ, наиболѣе честные изъ которыхъ испытываютъ ужасъ передъ роковымъ вопросомъ: выдержитъ ли великая Россія и великій русскій народъ упраздненіе процентной нормы для евреевъ. Партія пошла съ людьми, подходящими къ еврейскому вопросу, какъ къ бомбѣ огромной разрывной силы, которая при малѣйшей неосторожности можетъ разорваться и погубить всю Россію. Осторожненько, блѣдные, дро-

жащіе—они приближаются къ этой бомбѣ, чтобы ее разрядить, озираясь назадъ, готовые каждую секунду къ бѣгству и среди этой компаніи ея руководители—кадетская партія, подталкивающая робѣющаго Фридмана въ объятія организатора бейлисовскаго дѣла Савенки.

Милюковъ и Савенко разрѣшаютъ вмѣстѣ еврейскій вопросъ. Милюковъ, Шингаревъ и Родичевъ, вмѣстѣ съ вороньемъ, запятнавшимъ себя гнусными націоналистическими продѣлками въ Галиціи, рѣшаютъ еврейскій вопросъ послѣ того, какъ не улегся еще ритуальный навѣтъ, сорганизованный уличеннымъ клеветникомъ, однимъ изъ лидеровъ блока—Савенко, послѣ того какъ годъ войны достаточно ярко показалъ, во что обошлась еврейскому народу работа черныхъ героевъ „прогрессивнаго" блока.

На языкѣ кадетской брошюры эта капитуляція передъ матерыми антисемитами значитъ только „смягчить и ограничить тѣ требованія, направленныя въ сторону водворенія внутренняго мира, которыя касались равноправности различныхъ народностей, входящихъ въ составъ россійскаго государства". Да, мы это знаемъ: репутацію кадетовъ, какъ партіи государственной и патріотической портили ихъ филосемитскія тенденціи. Нѣтъ въ глазахъ тѣхъ, клевета которыхъ такъ огорчала кадетовъ, болѣе тяжкаго пятна на патріотической репутаціи, чѣмъ заигрываніе съ еврейскими гражданами. „Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящее опроверженіе старыхъ клеветъ и обвиненій взводившихся на партію", пишетъ П. Милюковъ, по поводу избранія А. И. Шингарева въ предсѣдатели военно-морской комиссіи. Когда была опубликована программа блока по національному вопросу, въ глазахъ консервативнаго общества рухнула еще одна клевета: клевета о неспособности кадетовъ пожертвовать равноправіемъ національностей во имя единенія съ знаменоносцами національнаго курса.

Черезъ самое короткое время послѣ образованія блока, былъ выдержанъ еще болѣе трудный экзаменъ вѣрности единенію. Кадетамъ было предложено подписать законопроектъ о національномъ равноправіи, составленный лѣвыми. Кадеты проявили мужество и отказались дать свои подписи, на томъ основаніи, что законопроектъ о національномъ равноправіи выходитъ за предѣлы національной программы блока. „Это былъ яркій символъ создавшагося положенія". Настроеніе національностей портилось, но настроеніе кадетовъ было прекраснымъ. Національная программа блока показала „не выдѣлившимся" по терминологіи Бенигсена, народамъ Россіи, что внутреннимъ миромъ между народами цвѣтъ русскаго либерализма пожертвовалъ миру и согласію между кучками внутрипарламентскихъ комбинаторовъ.

Національности ждали слова о равноправіи. „Объ этомъ смѣшно и разговаривать", отвѣтилъ имъ В. Шульгинъ, рѣчь котораго такъ понравилась П. Милюкову.

Это сказано было на 15-мъ засѣданіи Г. Думы. 16-е засѣданіе собралось на пять минутъ для выслушанія указа о роспускѣ. Дума была распущена. Послѣдній привѣтъ, который услышали національности Россіи по вопросу о равноправіи звучалъ такъ:

„Объ этомъ смѣшно и разговаривать".

Послѣднее слово, которое услышала отъ народнаго представительства русская бюрократія по вопросу о равноправіи было:

„Объ этомъ смѣшно и разговаривать".

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Д. Заславскій.

ЕВРЕИ и КАДЕТЫ.

I.

Еврейскій народъ издавна записанъ за кадетами и можетъ считаться народомъ кадетскимъ по преимуществу. Конечно, записали евреевъ за кадетами точно такъ же, какъ въ старину записывали крестьянъ за помѣщиками,—безъ вѣдома и безъ согласія записываемыхъ. Еврейскіе либеральные политики группируются вокругъ кадетской партіи. Видные еврейскіе общественные дѣятели это кадеты. Еврейскіе депутаты, вступая въ Государственную Думу, направляются непосредственно въ кадетскую фракцію. Это совершенно естественно и понятно. Всѣ эти господа—кадеты по своему убѣжденію. Представители буржуазныхъ круговъ—преимущественно крупныхъ—они испытываютъ тяготѣніе къ партіи, представляющей либеральную буржуазію. Сліозбергъ и Винаверъ—кадеты, и иными быть не могутъ, и никто не можетъ упрекнуть ихъ въ томъ, что они кадеты.

Но еврейскій народъ не изъ кадетовъ состоитъ. Если вычесть изъ него еврейскій пролетаріатъ, идущій и здѣсь своимъ путемъ, остаются широкія народныя массы, интересы которыхъ нельзя уложить въ предѣлы интересовъ крупной и средней еврейской буржуазіи. Еврейскій народъ шире кадетской партіи. Его интересы и запросы идутъ дальше программы этой партіи,—даже

той программы, которая хранится въ видѣ бумаги или брошюры въ архивахъ и протоколахъ партіи, не говоря уже о той программѣ, которая проводится въ дѣйствительной жизни и которая уже до войны успѣла растерять основные пункты свои. Несмотря на то, что волею еврейскихъ политиковъ еврейскій народъ чуть ли не поголовно записанъ за кадетами, это не кадетскій народъ. Превращаясь въ моменты избирательной кампаніи въ покорное кадетское „голосующее стадо", еврейскіе общественные круги въ прочіе дни проявляютъ интенсивную національную жизнь. Винаверы и Сліозберги, пасущіе это стадо, какъ вѣрные слуги Милюкова, знаютъ, что не такъ ужъ покорно это стадо, и что есть въ немъ недовольные. Они знаютъ также или догадываются, что если бы при условіяхъ политической свободы всѣ евреи, какъ и всѣ граждане Россіи, получили возможность открыто проявлять и формулировать свои политическія симпатіи, то еврейскіе кадеты были бы такой же, гораздо менѣе значительной группой, среди евреевъ, какъ кадеты россійскіе—въ Россіи. Но тѣ же обстоятельства, которыя сдѣлали Милюкова вождемъ общероссійской оппозиціи, сдѣлали Винавера политическимъ вождемъ еврейскаго народа.

Среди евреевъ есть и другія политическія группировки. Есть партіи и группы, которыя не хотятъ подчиненія всѣхъ интересовъ еврейскаго народа интересамъ кадетской партіи. Но и эти партіи и группы покорно плетутся за кадетами, иногда ропщутъ, иногда бранятъ въ безсиліи руководящихъ еврейскихъ политиковъ, но на дѣлѣ всецѣло имъ подчиняются. Есть люди, которые называютъ себя радикалами, трудовиками, народниками. И дѣйствительно, выступая въ общероссійскихъ партіяхъ, они горячо отстаиваютъ вѣрность своей программѣ. Но приходя къ себѣ, въ еврейскую среду, всѣ они превращаются въ кадетовъ, всѣ отказываются отъ своихъ программъ и всѣ творятъ общее

дѣло, которое называется оффиціально „самостоятельной еврейской политикой“, и которое есть въ дѣйствительности партійная кадетская политика.

Они не рѣшаются открыто заявить объ этомъ. Инстинктивно они боятся, что роль ихъ будетъ сыграна въ тотъ моментъ, когда широкія народныя массы узнаютъ, что онѣ записаны за кадетами. И поэтому надъ партійнымъ еврейскимъ кадетскимъ комитетомъ вывѣшивается парадная реклама безпартійности. Декораціей „коалиціонности“ прикрываютъ политическую и партійную однородность политики. Нѣсколько человѣкъ, пишущихъ на визитныхъ карточкахъ своихъ: „членъ демократической группы“, и въ этомъ видящихъ исполненіе своего демократическаго долга, состоятъ послушными статистами при партійныхъ кадетскихъ вождяхъ. Есть среди этихъ политиковъ люди, которые на страницахъ и общей и еврейской печати поѣдомъ ѣдятъ кадетовъ. Но они же вѣрно служатъ кадетамъ, и всякая попытка уклониться „влѣво“ отъ кадетовъ находитъ въ нихъ жесточайшихъ противниковъ.

II.

Еще до войны замѣчалось и проявлялось въ еврейской либеральной печати нѣкоторое недовольство кадетской политикой въ еврейскомъ вопросѣ. Отъ еврейскаго общества не могли ускользнуть тѣ націоналистическія и реакціонныя тенденціи, которыя все сильнѣе давали себя знать на правомъ крылѣ кадетской партіи. Не могла ускользнуть и та нерѣшительность съ какой подходила къ еврейскому вопросу партія, включившая въ свою программу рѣшительную реформу въ области гражданскихъ и политическихъ правъ еврейскаго народа.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ подробнѣе. Это не входитъ въ прямую задачу нашего очерка. Достаточно напомнить рѣчи Маклакова въ Государственной Думѣ, въ которыхъ талантливый адвокатъ защищалъ равенство евреевъ съ точки зрѣнія интересовъ россійскаго антисемитизма; достаточно напомнить полемику, поднятую статьями Петра Струве о „національномъ лицѣ“ и объ естественности „національныхъ отталкиваній“. Въ еврейскомъ вопросѣ кадетская партія, и вообще чрезвычайно осторожная, считала нужнымъ соблюдать осторожность сугубую. Было бы правильнѣе назвать эту осторожность боязнью.

Изолированность россійской оппозиціи, открыто враждебное отношеніе къ ней октябристскаго большинства Государственной Думы, не давали возможности этимъ тенденціямъ развернуться болѣе широко. Примирительное настроеніе партіи не встрѣчало отклика. Напротивъ, все больше обострялись отношенія въ Государственной Думѣ. Разгулъ реакціи не давалъ возможности кадетамъ оставить позиціи защиты угнетенныхъ народностей.

Либеральная еврейская печать подмѣчала опасныя тенденціи въ политикѣ кадетовъ, но не придавала имъ значенія. Въ отношеніяхъ между еврейскими политическими дѣятелями и кадетами не было разлада. И только еврейская рабочая демократія неоднократно указывала въ газетѣ „Цайтъ“, что либеральная русская буржуазія въ лицѣ кадетской партіи неспособна выполнить поставленныя ею въ медовый мѣсяцъ политической жизни своей широкія задачи, что все большее вліяніе получаетъ правое крыло, стремящееся къ полному и окончательному разрыву съ демократіей, несущее въ себѣ въ неразвернутомъ еще видѣ антисематскія и націоналистическія тенденціи.

III.

Началась война. Кадетская партія наложила на себя обѣтъ молчанія во всѣхъ вопросахъ внутренней жизни и оставалась вѣрна этому обѣту. Можно повѣрить, что не легко давалось ей это молчаніе. Однако кадеты молчали и тогда, когда невмоготу стало молчать и болѣе умѣреннымъ кругамъ русскаго общества. Кадеты заговорили послѣдними.

Либеральные еврейскіе круги полностью приняли кадетскую тактику. Безъ всякихъ сомнѣній и колебаній депутатъ Фридманъ торжественно присоединился къ обѣту молчанія въ Государственной Думѣ, когда вмѣстѣ съ нимъ и другіе представители народностей Россіи всю свою задачу въ столь важный историческій моментъ ограничили тѣмъ, что свидѣтельствовали свою преданность Россіи.

Но то, что подъ силу было кадетской партіи, не въ силахъ было для еврейскаго народа.

Еврейское общество пережило величайшее разочарованіе. Оно было тѣмъ глубже, чѣмъ сильнѣе были иллюзіи, навѣянныя неудачливыми либеральными еврейскими политиками. Боль обиды и страданій заставляли говорить, жаловаться, взывать къ помощи. Еврейскіе кадеты долго и терпѣливо молчали, однако не выдержали и они. Они не требовали отъ кадетовъ, чтобы тѣ нарушили обѣтъ молчанія, которому вѣрны были вѣдь и еврейскіе кадеты. Но они просили, чтобы удѣлено было нѣкоторое хотя скромное вниманіе евреямъ. „Рус-

скіе прогрессисты отложили, какъ извѣстно всякіе разговоры о „реформахъ“ до конца войны,—писалъ „Новый Восходъ“ (1914 г. № 41). Когда „Ганнибалъ у воротъ“, не должно быть мѣста партійнымъ раздорамъ“. Противъ этого положенія „Н. Восходъ“ не возражалъ, но онъ требовалъ, чтобы проявлена была „забота о несчастныхъ жертвахъ войны“. „Не будемъ говорить о „реформахъ“,—писалъ „Н. Восходъ“, но есть такія вопіющія ненормальности въ нашей государственной жизни, устраненіе которыхъ представляется необходимымъ въ интересахъ самой войны, т. е. успѣшнаго веденія и окончанія ея... Повторяемъ: не о „реформахъ“ идетъ рѣчь, а о мѣрахъ весьма элементарныхъ, необходимость и обязательность которыхъ обосновывать весьма совѣстно.“

Еврейскій либеральный публицистъ хотѣлъ какъ-нибудь примирить кадетскій отказъ отъ внутреннихъ реформъ съ интересами еврейскаго народа. Въ безконечной наивности своей онъ полагалъ, что если „реформу назвать „элементарной мѣрой“, то кадеты согласятся измѣнить свою тактику безмолвнаго подчиненія реакціоннымъ силамъ Россіи. Кадеты продолжали хранить молчаніе, но молчаніе въ сущности продолжали хранить и еврейскіе либеральные политическіе дѣятели, не посмѣвшіе и въ такой моментъ открыто осудить политику кадетовъ. Впослѣдствіи „Евр. Недѣля“ писала: „Газета „Рѣчь“, которую черносотенцы иначе, какъ „жидовскою“ не называютъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ (и какихъ мѣсяцевъ!) замалчивала еврейскій вопросъ, такъ какъ тактика кадетской партіи требовала въ то время не касаться вопросовъ внутренней жизни“. Однако, тактика еврейскихъ кадетовъ требовала въ то же время отказа отъ свободной критики кадетской партіи. Кадеты молчали объ евреяхъ, либеральные евреи молчали о кадетахъ. Да не только молчали! Съ раздраженіемъ писали „кадеты Моисеева закона“ о газетѣ

„День“, которая полемизировала и съ „Рѣчью“ и съ еврейскими кадетами объ умѣстности тактики молчанія.

IV.

Въ январѣ 1915 года собралась Государственнная Дума. Несмотря на то, что за истекшіе шесть мѣсяцевъ накопился уже достаточный матеріалъ для провѣрки тактики самоустраненія политической партіи, и выяснились послѣдствія той системы, при которой у реакціи развязаны руки, а у оппозиціи не только связаны руки, но и добровольно сомкнутъ ротъ,—кадеты остались на прежней позиціи. Тамъ съ ними остались и еврейскіе депутаты. Тамъ остались и либеральные еврейскіе политики. Хотя формально евреи-депутаты обладаютъ въ кадетской партіи свободой выступленій по еврейскимъ вопросамъ, но этой свободой кадеты-евреи и не пожелали воспользоваться. Фридманъ упомянулъ о томъ, что за „истекшіе 6 мѣсяцевъ евреи пережили многое и страшное“, но тутъ же онъ заботливо прибавилъ, что „мы не будемъ перечислять причиненныхъ и чинимыхъ намъ обидъ“. И дѣйствительно онъ ихъ не перечислялъ и короткой своей рѣчью не внесъ диссонанса въ идиллическую картину параднаго единенія Государственной Думы. Только въ рѣчахъ Керенскаго и Чхеидзе нашли отраженіе тѣ „обиды“, о которыхъ не рѣшился упомянуть связанный кадетской партіей депутатъ.

Дума собралась и немедленно разошлась, и снова въ политикѣ началась полоса жуткаго молчанія. Положеніе евреевъ все ухудшалось и становилось нестерпимымъ. Травля усиливалась. Ужъ не предъ евреями только,

а предъ всѣми гражданами Россіи вставалъ вопросъ о необходимости коренныхъ перемѣнъ въ политикѣ.

Въ іюнѣ собралась конференція кадетской партіи. Можно было ожидать, что евреи-кадеты предъявятъ жестокое обвиненіе къ своей партіи, что они выступятъ съ рѣзкой критикой тактики молчанія, что они поставятъ вопросъ объ активномъ вмѣшательствѣ вліятельной оппозиціонной партіи въ русскія дѣла, такъ какъ не переставая эти же евреи-кадеты требовали отъ русскаго общества вмѣшательства въ польско-еврейскія дѣла и отношенія. Но этого не случилось. Въ вопросахъ тактики между лидерами кадетской партіи и евреями-кадетами было полное и трогательное согласіе. Докладъ по еврейскому вопросу много говорилъ о тѣхъ „обидахъ", которыя причинены были евреямъ реакціей, и ни слова не было объ обидахъ, которыя причинены были еврейскому народу кадетами.

На конференціи былъ докладъ и по украинскому вопросу. Эта была рѣзкая и страстная критика кадетской партіи, праваго крыла ея—за ея позицію въ украинскомъ вопросѣ. Кадеты-украинцы требовали отъ своей партіи рѣшительныхъ шаговъ въ защиту украинскаго языка и культуры. Въ еврейскомъ докладѣ не упоминалось не только о національныхъ, но и о гражданскихъ правахъ евреевъ. Въ немъ шла лишь рѣчь о лживости обвиненій, предъявленныхъ къ евреямъ опредѣленными кругами реакціи.

„Еврейская Недѣля", позволявшая себѣ прежде робкую оппозицію кадетамъ, выразила полное удовлетвореніе конференціей. Она писала о томъ, что кадеты остались вѣрны своей программѣ, и что долженъ смолкнуть всякій пессимизмъ въ оцѣнкѣ роли кадетской партіи. Кадеты вѣрны евреямъ, евреи вѣрны кадетамъ—такова была основная идея статей, посвященныхъ конференціи. И съ какимъ раздраженіемъ накинулась „Еврейская Недѣля", этотъ якобы безпартій-

ный органъ либеральнаго еврейства, на пишущаго эти строки, когда онъ позволилъ себѣ въ газетѣ „День“ иронически отнестись къ трогательной кадетско-еврейской идилліи.

V.

Роковыя событія, взмывшія волну общественнаго подъема, родившія идею мобилизаціи промышленности, повлекшія за собой уходъ Н. А. Маклакова, Сухомлинова и Щегловитова и созывъ Государственной Думы отразились и на постановкѣ еврейскаго вопроса. О молчаніи и замалчиваніи не могло ужъ быть и рѣчи. Послѣ расширенія черты осѣдлости, сдѣланнаго по иниціативѣ правительства, нельзя было, казалось, говорить и о несвоевременности реформъ. Съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ принялъ резолюцію о необходимости отмѣны всѣхъ національныхъ ограниченій.

Еврейскіе либеральные политики осмѣлѣли. Теперь, когда ужъ и воробьи на крышахъ кричали о преступной тактикѣ молчанія, кадеты моисеева закона тоже рѣшились въ почтительной формѣ указать на недостаточную опредѣленность кадетской партіи въ защитѣ евреевъ. Дѣленіе въ Государственной Думѣ всѣхъ гражданъ на „вѣрныхъ“ и „невѣрныхъ“ въ рѣчи премьеръ-министра, отклоненіе резолюціи національныхъ группъ объ уничтоженіи національныхъ ограниченій—это прошло при пассивномъ отношеніи кадетской партіи, и „Еврейская Недѣля“ писала: „Исторія съ отклоненіемъ резолюціи національныхъ группъ и проектъ гр. Беннигсена оказались лишь хорошей иллюстраціей къ общедумской формулѣ перехода, раскрывши подлинный смыслъ раздѣленія русскихъ гражданъ на вѣрныхъ и невѣрныхъ,

противъ котораго пытался было бороться и такъ легко уступилъ поле борьбы П. Н. Милюковъ и его единомышленники". (1915 г. № 12). Еврейскіе либеральные политики пошли еще дальше и пытались намѣтить путь для правильной и достойной постановки еврейскаго вопроса. „Есть только одинъ путь въ этомъ направленіи,— писала „Евр. Недѣля" въ августѣ 1915 г.,—внесеніе законопроекта о полной отмѣнѣ всѣхъ ограниченій, какъ гражданскихъ и религіозныхъ, такъ и политическихъ и національныхъ, и установленіе полнаго равноправія. Пусть не говорятъ о рискѣ отрицательнаго вотума. Теперь это уже опасности не представляетъ... То, что необходимо сдѣлать въ интересахъ справедливости и возрожденія Россіи, то должно быть сдѣлано, какія-бы препятствія ни стояли на пути"...

Такъ гордо, непривычнымъ для читателей своихъ языкомъ заговорилъ органъ либеральной еврейской буржуазіи. Обычно политика дѣятелей типа Винаверовъ и Сліозберговъ сводится къ достиженію „реальныхъ результатовъ",—въ министерскихъ-ли пріемныхъ или въ комитетѣ кадетской фракціи. На этотъ разъ, поддавшись общему увлеченію, чувствуя на себѣ давленіе еврейскаго общественнаго мнѣнія, либеральные еврейскіе политики заговорили о законопроектѣ, цѣль котораго поставить еврейскій вопросъ во всей его полнотѣ, не боясь даже отрицательнаго вотума. „Еврейск. Недѣлю" не смутило то обстоятельство, что кадетская партія отнюдь не задавалась и теперь столь широкими задачами, не собиралась кореннымъ образомъ мѣнять свою тактику, и какъ заявила „Рѣчь" незадолго до созыва Государственной Думы съ похвальной откровенностью, кадеты и не собирались теперь рѣшать такіе вопросы, какъ равноправіе евреевъ.

Однако гордыя слова „Евр. Недѣли" такъ словами и остались. Интересы еврейскаго народа, интересы борьбы за равноправіе требовали прямой и опредѣлен-

ной постановки еврейскаго вопроса. Реакція строила свою игру на томъ, что евреевъ можно травить безнаказанно, что это тотъ козелъ отпущенія, котораго никто подъ свою защиту не возьметъ. Реакція старалась скомпрометировать оппозицію, обвиняя ее въ близости къ евреямъ, и этой игрѣ поддавалась малодушная оппозиція, всѣмъ своимъ поведеніемъ подтверждавшая, что открытая защита евреевъ какъ будто и дѣйствительно дискредитируетъ прогрессивную часть общества, что еврейскіе пункты въ программѣ надо скрывать отъ широкихъ круговъ народныхъ, что объ евреяхъ лучше всего молчать, молчать и молчать.

Положеніе еврейскаго народа не давало возможности кадетамъ евреямъ и кадетствующимъ еврейскимъ демократамъ послѣдовательно проводить эту кадетскую тактику. Но кадетская партія представлялась имъ единственной силой, и все, что лѣвѣе кадетовъ, представлялось либеральнымъ евреямъ опасной бездной. Когда въ іюлѣ соціалъ-демократическая фракція и трудовая группа собирались внести запросъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ властей по отношенію къ еврейскому населенію, проживающему въ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій, еврейскіе либеральные политики дѣлали всѣ усилія, чтобы не допустить внесенія этого запроса. Если бы соціалъ-демократы дали убѣдить себя господамъ „представителямъ еврейскаго народа", этотъ запросъ не увидѣлъ-бы свѣта. Еврейскіе политики боялись именно того, о чемъ такъ безбоязненно писала „Евр. Недѣля"—боялись отрицательнаго вотума. Они въ точности отражали психологію партіи, вѣрными слугами и подлинными выразителями которой они являются. Гонясь за „реальными результатами", кадеты пуще всего боятся отрицательныхъ вотумовъ.

Запросъ былъ все же внесенъ, и скрѣпя сердце, евреи-депутаты, а за ними и кадеты должны были подписаться подъ нимъ. Отрицательнаго вотума не послѣ-

довало. Послѣ рѣчей Чхеидзе и Дзюбинскаго запросъ былъ признанъ срочнымъ и переданъ въ коммисію. „Побѣдителей не судятъ",—заявилъ впослѣдствіи одинъ изъ лидеровъ еврейскихъ на политическомъ совѣщаніи.

Тотъ законопроектъ объ отмѣнѣ всѣхъ національныхъ ограниченій, о необходимости котораго писала съ такимъ достоинствомъ „Евр. Недѣля", былъ составленъ и соціалъ-демократической фракціей и трудовиками. Но кадеты рѣшительно отказались подписать его, и онъ не былъ внесенъ. „Евр. Недѣля" ограничилась тѣмъ, что констатировала фактъ. Она не выразила при этомъ даже сожалѣнія. Она не позволила себѣ выступить съ критикой кадетской партіи. Впрочемъ, въ это время дѣйствовалъ уже прогрессивный блокъ, и либеральные еврейскіе политики оказались искренними сторонниками той политической коалиціи, которая и образоваться могла только путемъ принесенія въ жертву антисемитизму интересовъ еврейскаго народа.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эту жертву принесли кадеты. Она не казалась имъ слишкомъ тяжелой да и не было въ сущности никакой жертвы. Прогрессивный блокъ только оформилъ и закрѣпилъ ту позицію въ еврейскомъ вопросѣ, которую и до образованія блока заняли кадеты съ первыхъ же дней войны въ еврейскомъ вопросѣ. Интересами евреевъ они пожертвовали лѣтомъ 1914 года. Лѣтомъ 1915 г. они пожертвовали только словами своей программы.

Удивительнѣе была другая картина. Удивительно было, какъ депутаты-евреи, повинуясь указаніямъ либеральныхъ еврейскихъ политиковъ, добровольно приносятъ въ жертву интересамъ кадетской партіи интересы еврейскаго народа.

Въ началѣ августа „Евр. Недѣля" писала, что „единственный путь" это внесеніе законопроекта о полной отмѣнѣ всѣхъ ограниченій, и что не надо бояться отрицательныхъ вотумовъ, а въ концѣ августа та же „Евр.

Недѣля" привѣтствовала прогрессивный блокъ и находила, что блокъ это и есть „вступленіе на путь"... У „кадетовъ моисеева закона", принужденныхъ соблюдать вѣрность своей партіи и въ то же время оглядываться на еврейскія народныя массы, нельзя искать ни послѣдовательности, ни искренности въ словахъ. И, быть можетъ, единственнымъ смягчающимъ ихъ вину обстоятельствомъ надо признать, что въ глубинѣ души они чувствовали драматизмъ своего положенія, и нелегко доставалась имъ ихъ показная увѣренность. Но кадетовъ моисеева закона можно понять. Они служили вѣрно своей партіи, связывая съ ея успѣхами и успѣхъ борьбы за еврейское равноправіе. Труднѣе понять тѣхъ, кто называетъ себя демократами, кто на словахъ даже борется съ кадетами, и кто все же подчинился всецѣло, безъ остатка кадетскимъ директивамъ.

VI.

Первыя душевныя движенія—это самыя искреннія движенія. И когда опубликована была программа прогрессивнаго блока, у „Евр. Недѣли" вырвался крикъ отчаянія. Даже терпѣливая кадетская душа преданныхъ Милюкову евреевъ не могло хладнокровно созерцать пресловутый пунктъ о „вступленіи на путь" постепенной отмѣны ограниченій. Но уже въ слѣдующемъ номерѣ органъ еврейскаго кадетизма подавилъ чувства невольнаго огорченія и разочарованія и взялся за тяжелую работу. Надо было внушить еврейскому обществу, что прогрессивный блокъ это есть дѣйствительно шагъ впередъ на пути къ рѣшенію еврейскаго вопроса. Между тѣмъ ужъ и тогда было ясно, что туманная формулировка еврейскаго пункта въ программѣ блока скры-

ваетъ за собою совершенно опредѣленное условіе: не подымать еврейскаго вопроса въ Государственной Думѣ. Кадеты утѣшали себя тѣмъ, что и правые приняли обязательство на себя, но впослѣдствіи откровенныя разъясненія Шульгина и Савенки показали, что ни о какихъ обязательствахъ не можетъ быть и рѣчи. Въ лучшемъ случаѣ правая часть блока обязывалась замалчивать еврейскій вопросъ и не настаивать на дальнѣйшихъ ограниченіяхъ евреевъ. Но на этой позиціи еще до блока и безъ блока стояли не только Шульгинъ, а и Пуришкевичъ.

Отказавшись отъ тактики молчанія, кадеты сохранили ее полностью въ еврейскомъ вопросѣ. Еврейскіе либеральные политики, связавшіе себя неразрывно съ кадетской партіей, принуждены были прослѣдовать вслѣдъ за ней и въ теплую компанію прогрессивнаго блока. Евреи-депутаты не сдѣлали прямого заявленія о томъ, что они входятъ въ блокъ. Но они не заявили и о томъ, что не входятъ. Они предпочли двусмысленное положеніе, боясь всякой опредѣленности въ этомъ вопросѣ.

Въ еврейскомъ обществѣ программа прогрессивнаго блока вызвала нѣкоторое смущеніе. Именующіе себя демократами испытывали угрызеніе совѣсти. Отраженіемъ споровъ, не выходившихъ впрочемъ за предѣлы комнатной дискуссіи, можетъ служить статья г. Шми въ „Евр. Недѣлѣ“ (№ 16). „Удивляюсь,—говоритъ г. Шми отъ имени какого-то еврея, „большого умницы“:—удивляюсь нашимъ евреямъ. Говорятъ, мы народъ практическій, разсудительный. Вздоръ это. Возьмите хотя бы, какъ сказалась еврейская „практичность“ на отношеніяхъ нашихъ съ кадетами. Пока отъ нихъ реальной пользы нельзя было ожидать для нашего дѣла, мы готовы были идти за нихъ въ огонь и воду. А теперь,—ну, теперь, конечно, надо съ ними ссориться...“

Однако, къ великой радости кадетовъ моисеева закона, — не поссорились. Напротивъ, отношенія даже

улучшились, и робкія попытки критики кадетовъ, которыя замѣчались раньше, теперь совсѣмъ исчезли со страницъ „Евр. Недѣли“. Гдѣ-то, въ какой-то комнатѣ, быть можетъ, и происходили столкновенія между различными оттѣнками еврейской политической мысли. Въ болѣе широкихъ кругахъ назрѣвало недовольство политикой, которую отъ имени всѣхъ евреевъ творитъ группа безотвѣтственныхъ политиковъ, но все это не выходило наружу, все прикрывалось въ интересахъ единенія мнимой безпартійностью политики. Несогласные съ гг. Винаверомъ и Сліозбергомъ не рѣшались выступать самостоятельно. Получалось противоестественное впечатлѣніе, что нѣтъ различныхъ мнѣній и теченій въ русскомъ еврействѣ. Есть только одна партія, объемлющая всѣхъ евреевъ, за исключеніемъ пролетаріата,—и эта партія есть еврейское отдѣленіе партіи кадетской. Именующіе себя демократами и трудовиками еврейскіе дѣятели не находили въ себѣ силы и мужества для самостоятельныхъ выступленій.

Такъ вращаясь вокругъ прогрессивнаго блока, еврейская либеральная политика вмѣстѣ съ блокомъ докатилась до естественнаго безславнаго конца. Этимъ концомъ, впрочемъ, еще не исчерпана мѣра паденія еврейскаго либерализма.

VII.

О пользѣ прогрессивнаго блока для евреевъ можно было писать и говорить лишь до тѣхъ поръ, пока блокъ бездѣйствовалъ. И если бы не запросъ о циркулярѣ Кафафова, до сихъ поръ либеральная еврейская печать благодушно упражнялась бы въ рекламированіи блока. Циркуляръ департамента полиціи испортилъ идиллію-

Негодованіе и тревога, имъ вызванныя, требовали немедленнаго и прямого выступленія. Государственная Рѣчи во время общихъ преній по декларацiи правительства не могли замѣнить самостоятельнаго запроса. Подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, подъ давленіемъ слѣва евреи-депутаты должны были внести запросъ. Они знали, что запросъ внесутъ крайніе лѣвые, если своего элементарнаго долга не исполнятъ депутаты, именующіе себя представителями еврейскаго народа.

Послѣ колебаній и сомнѣній Фридманъ внесъ запросъ. Онъ по духу своему, по тенденціи, если и не противорѣчилъ прямо линіи поведенія, усвоенной блокомъ, то и не совпадалъ съ ней. Запросъ ставилъ на очередь дня проблему еврейскаго равноправія, ибо въ еврейскомъ безправіи коренится зло и опасность погромной агитаціи. Но постановки такого вопроса и желалъ избѣгнуть блокъ, заключая соглашеніе между Милюковымъ и Савенкой. Не будемъ останавливаться на всѣхъ деталяхъ поучительной исторіи кафафовскаго запроса. Какъ только выяснилось недоброжелательное къ нему отношеніе прогрессивнаго блока, евреи-депутаты хотѣли снять его. Они мучительно колебались и переживали тяжелыя минуты. Связь съ прогрессивнымъ блокомъ, принадлежность къ кадетской фракціи, солидарность съ политикой замалчиванія острыхъ вопросовъ, погоня за чечевичной похлебкой „реальной пользы“ — все это мѣшало имъ занять самостоятельную позицію. Если бы они были только кадетами, если бы они рѣшились откровенно признать себя кадетами моисеева закона, они нашли бы выходъ изъ положенія и отказались-бы отъ запроса. Но званіе „представителей еврейскаго народа“ не допускало этого. Они чувствовали, что здѣсь разошлись интересы еврейскихъ народныхъ массъ съ интересами кадетской партіи, что даже политически-безцвѣтная еврейская интеллигенція не помирится съ трус-

ливымъ замалчиваніемъ , что слишкомъ велика опасность, грозящая евреямъ. Когда по винѣ кадетовъ, не явившихся въ Государственную Думу въ день обсужденія запроса, занятыхъ болѣе для нихъ важнымъ дѣломъ на съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ, евреи-депутаты сняли запросъ, оставалось неизвѣстнымъ, внесутъ-ли они его снова.

Они его внесли, получивъ согласіе прогрессивнаго блока. Объ этомъ разсказалъ впослѣдствіи Фридманъ. Такъ связали либеральные еврейскіе политики свои дѣйствія съ дѣйствіями блока. Но блокъ не собирался на еврейскомъ вопросѣ давать не только генеральное, а и сколько-нибудь значительное сраженіе правительству. Объясненія Кафафова вполнѣ удовлетворили правую часть блока. Она даже не вдумывалась въ содержаніе этихъ объясненій. Блокъ удовлетворился казенной отпиской вѣдомства и перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, строго осудивъ по пути евреевъ-депутатовъ за то, что они слишкомъ громко, слишкомъ безтактно заговорили

. . . . . .

Не знаю, видалъ-ли Таврическій дворецъ сцены, болѣе позорныя, чѣмъ тѣ, которыми сопровождался кафафовскій запросъ. Наиболѣе тяжелыми въ нихъ была не рѣчь Замысловскаго, не изгнаніе Чхенкели, не снятіе запроса, не жестокій выговоръ Фридману и Бомашу. Тяжела была пассивность оппозиціи, ужасное молчаніе кадетской фракціи, голосованіе Маклакова и Аджемова за удаленіе Чхенкели. И всего тяжелѣе была картина позорнаго паденія евреевъ-депутатовъ, которые въ роли „представителей еврейскаго народа" публично цѣловали розгу, которой только что были публично высѣчены. Понятны тѣ чувства возмущенія и отчаянія, которыя прорвались даже въ терпѣливой, привыкшей къ рабьему смиренію еврейской печати. Къ неудачамъ, къ разочарованіемъ привыкло еврейское общество, но такого униженія оно не испытывало уже давно..

Евреи-депутаты вышли съ низко опущенной головой, не смѣя взглянуть въ глаза людямъ. Вотъ что далъ евреямъ прогрессивный блокъ.

VIII.

Евреи-депутаты чувствовали, что произошло нѣчто непоправимое и поспѣшили дать пространныя объясненія въ письмахъ къ еврейскому обществу. Нельзя читать эти документы безъ чувства крайней жалости къ авторамъ ихъ. Маленькіе люди, безпомощные, безсильные попали въ водоворотъ, образованный столкновеніемъ противоположныхъ интересовъ. Быть можетъ, и болѣе сильные люди не могли бы съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія, не могли бы съ достоинствомъ сочетать въ своемъ выступленіи вѣрность партійной тактикѣ и чувство отвѣтственности передъ еврейскими народными массами, получившими ударъ столь незаслуженный.

Но личность Фридмана и Бомаша, и все, что есть личнаго въ ихъ выступленіяхъ, не представляетъ интереса. Отвѣтственность лежитъ на тѣхъ группахъ и лицахъ, которыя объединившись направляютъ „еврейскую политику“ во славу кадетской партіи и прогрессивнаго блока.

„Рѣчь“ поспѣшила свалить вину за провалъ запроса на безтактность земцевъ-октябристовъ. Евреи-депутаты ищутъ другихъ виновниковъ. Но это безполезный трудъ. Нѣтъ здѣсь отдѣльныхъ виновныхъ. Въ скандальномъ исходѣ запроса нѣтъ въ сущности ничего неожиданнаго. Именно такъ и должно было закончиться желаніе

совмѣстить интересы народныхъ еврейскихъ массъ съ интересами ограниченной группы либеральной буржуазіи. Еврейскіе политики пытались сѣсть между двухъ стульевъ. Но разстояніе между стульями было слишкомъ велико, и еврейскіе политики упали.

Прогрессивный блокъ не могъ поставить открыто еврейскій вопросъ. Это противорѣчило бы основѣ, на которой онъ образовался, основѣ антисемитской. Савенки и Шульгины взяли на себя обязательство замалчивать еврейскій вопросъ, отказались на время отъ прямой агрессивной антисемитской политики, но они не брали на себя обязательства защищать евреевъ, вступать въ рѣзкій конфликтъ съ правительствомъ изъ-за евреевъ. Кадеты, которые въ образованіи прогрессивнаго блока видѣли вѣнецъ своей тактики, не могли нарадоваться на свое парламентское дѣтище, раздували его значеніе и берегли какъ зѣницу ока въ ожиданіи грядущихъ чудесъ, — кадеты не могли и не хотѣли изъ-за евреевъ вносить расколъ въ блокъ и уничтожить все, надъ чѣмъ они столько времени работали, во имя чего отказались отъ существенныхъ пунктовъ своей программы. Кадеты не могли конечно не сознавать, что кафафовскій запросъ это не еврейскій запросъ,

Но для правой части блока это былъ еврейскій запросъ, и она ему не придавала значенія, и вслѣдъ за этой частью блока поплелись поневолѣ и кадеты, и не случайно „Рѣчь" должна была взять подъ свою защиту департаментъ полиціи и смягчать „одіозное" значеніе циркуляра г. Кафафова. Пребываніе въ прогрессивномъ блокѣ, необходимость приспособляться къ идеологіи и психологіи Крупенскаго и Шульгина имѣетъ свои послѣдствія. Надо идти нога въ ногу съ этими господами, надо равняться по Савенкѣ, и кто выскакиваетъ впередъ, рискуетъ либо разстроить фронтъ, либо остаться въ жалкомъ одиночествѣ. Фрид-

манъ и Бомашъ пытались, побуждаемые тревогой и сознаніемъ отвѣтственности передъ народными массами, выйти впередъ. Но послѣдовалъ строгій окрикъ Капниста, командира прогрессивнаго блока, послышался недовольный шопотъ кадетовъ, и растерявшіеся, забитые, запуганные евреи-депутаты поспѣшили вернуться въ ряды. Они не рѣшились посягнуть ни на цѣлость блока, ни на цѣльность кадетской тактики. Кадеты моисеева закона остались вѣрными кадетами.

И было-бы это только эпизодомъ изъ исторіи кадетской партіи. Какъ бы ни удручали промахи и неудачи кадетовъ, отвѣтственность за нихъ несутъ только кадеты. Прогрессивный блокъ связалъ большинство Государственной Думы, но онъ не связалъ народныя массы Россіи. Въ нихъ свободно растутъ и развиваются различныя политическія теченія, и въ возможности самостоятельнаго проявленія каждаго теченія залогъ роста политической сознательности. Дисциплина прогрессивнаго блока не заглушила роста политическихъ образованій, не вмѣщающихся въ предѣлахъ единенія Савенки и Милюкова. Съѣзды общественныхъ организацій лучшее тому доказательство. Не только въ общихъ вопросахъ, но и въ еврейскомъ они пошли дальше Государственной Думы, и подъ прямымъ вліяніемъ рабочей группы на второмъ съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ была дана надлежащая оцѣнка кафафовской циркулярной литературѣ.

Въ еврейской средѣ дѣло обстоитъ иначе. Широкія народныя еврейскія массы безъ ихъ вѣдома и согласія приписаны къ кадетской партіи, причислены къ прогрессивному блоку. Только еврейская рабочая демократія сохранила свое лицо. Всѣ другія группы и теченія, стремясь создать національный блокъ въ еврействѣ, отказались отъ самостоятельности своей и ввѣрили кадетамъ моисеева закона политическое руководство еврейскимъ народамъ. Но онъ слишкомъ вы-

росъ, чтобы умѣститься тамъ, гдѣ такъ свободно чувствуетъ себя г. Винаверъ. Депутатамъ-евреямъ не подъ силу оказалось при такихъ условіяхъ представительство подлинныхъ интересовъ еврейскихъ народныхъ массъ. Крахъ кадетской политики оказался ихъ личнымъ крахомъ.

Дали себя чувствовать симптомы, ужъ не первые, того явленія, которое наростаетъ и въ русской общественной жизни. Равноправіе евреевъ это тяжелая задача, слишкомъ тяжелая задача для либеральной буржуазіи. Равноправіе евреевъ еще написано въ программѣ, но нѣтъ ужъ силъ для борьбы, требующей полнаго разрыва съ реакціей, нѣтъ силъ и для сопротивленія антисемитской отравѣ, проникающей незамѣтно въ собственные ряды. Еврейская буржуазія начинаетъ чувствовать, что ускользаетъ отъ нея привычная опора; начинаетъ замѣчать охлажденіе во вчерашнихъ друзьяхъ и покровителяхъ. Она сознаетъ это, но боится въ этомъ признаться. Отстать отъ кадетской партіи это значитъ опереться на партіи, представляющія народные низы. Но широкимъ народнымъ массамъ не довѣряетъ еврейская либеральная интеллигенція. Вотъ какія рѣчи вкладываетъ „Евр. Недѣля" въ уста еврейскому либералу: „Когда я думаю о „прогрессивномъ блокѣ",—думаю со своей именно, еврейской точки зрѣнія,—я не могу, прежде всего, не ставить себѣ общаго вопроса, не по отдѣльнымъ пунктамъ, а объ идеѣ блока вообще, пріемлема ли эта кадетская тактика, направленная къ укрѣпленію нынѣшней Думы и осуществленію нѣкоторыхъ весьма умѣренныхъ реформъ („шерсти клокъ"), или болѣе предпочтительными слѣдуетъ признать предлагаемые Керенскимъ призывы къ широкимъ массамъ. Назовите меня, если угодно, черносотенцемъ, но, каюсь, боюсь я этихъ призывовъ. Быть можетъ, если бы я былъ русскимъ, я бы ихъ не боялся... разсчитывалъ-бы, какъ это дѣлаютъ русскіе люди, что „перемелется, мука будетъ", что

„образуется“. А будучи евреемъ, я такими расчетами утѣшать ни себя, ни другихъ, конечно, не могу. Ибо самый процессъ „перемола“ и „образованія“ для насъ, евреевъ, можетъ оказаться процессомъ истребленія“...

Это вполнѣ искреннее, прямое и откровенное отношеніе кадетовъ моисеева закона къ общественнымъ движеніямъ въ Россіи. Кадеты не довѣряютъ народнымъ массамъ, и еврейскіе кадеты въ этомъ ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Они не довѣряютъ русскимъ народнымъ массамъ точно въ такой же степени, въ какой не довѣряютъ и еврейскимъ народнымъ массамъ. Борьбѣ за широкія реформы они предпочитаютъ „шерсти клокъ“.

Но въ томъ и заключается драма еврейскаго либерализма, что вмѣсто „клока шерсти“ онъ получаетъ оскорбительные пинки. Въ діалогѣ, изъ котораго приведены выше стоящія слова, сказано дальше: „Долго продолжался еще споръ. Маркъ Абрамовичъ доказывалъ, что кадеты, несомнѣнно, въ еврейскомъ вопросѣ и дальнѣйшія уступки будутъ дѣлать, такъ какъ для „блока“ пойдутъ на всякія жертвы. Захаръ Львовичъ находилъ, что для такихъ опасеній нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, такъ какъ націоналисты дорожатъ „блокомъ“ не менѣе кадетовъ“. (Евр. Нед. № 16).

Это написано было до провала кафафовскаго запроса. Теперь можно сказать съ увѣренностью, что „Захаръ Львовичъ“, котораго „Евр. Недѣля“ заставила защищать еврейскую политику, не обнаружилъ ни малѣйшей проницательности, что при всѣхъ своихъ дипломатическихъ способностяхъ онъ выказалъ себя просто неумнымъ человѣкомъ.

Еврейскіе либеральные политики въ Польшѣ боятся широкихъ народныхъ массъ не меньше, чѣмъ еврейскіе либеральные политики въ Россіи. Но жестокая судьба заставила ихъ ввѣрить соціалъ-демократу Ягелло защиту интересовъ еврейскаго народа. Они сдѣлали это соб-

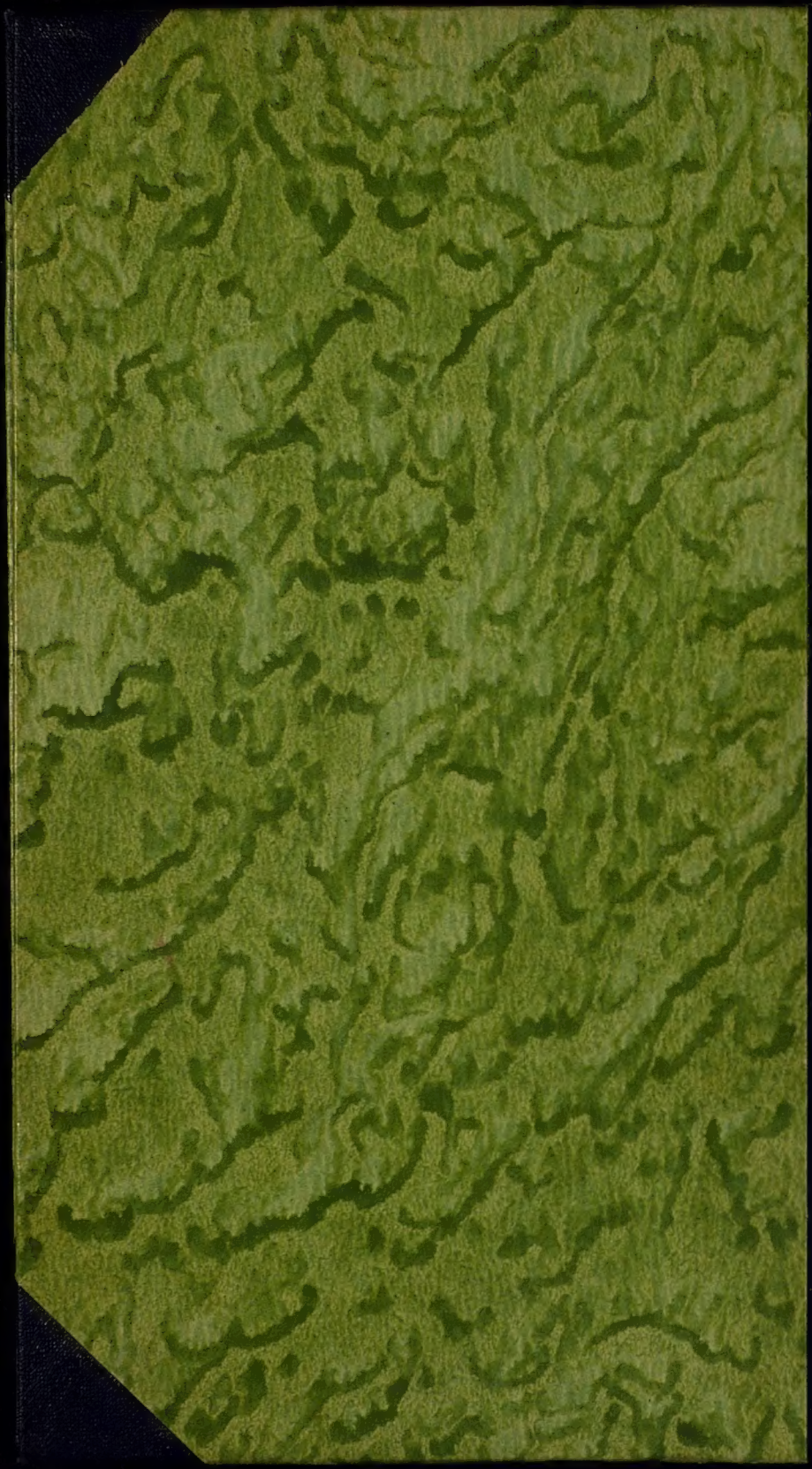
ственными руками, ненавидя въ душѣ Ягелло и боясь его. Но иного выхода у нихъ не было. Это заключительный моментъ въ томъ процессѣ политическаго обнищанія либерализма, первые признаки котораго мы ужъ ясно различаемъ и въ Россіи. Мы проходимъ только первые этапы на этомъ пути и не знаемъ, придется ли пройти и въ Россіи весь этотъ путь. Пусть кадеты моисеева закона дѣлаютъ свое кадетское дѣло, пусть открыто дѣлаютъ свою политику и на свой собственный счетъ записываютъ всѣ свои неудачи, всѣ полученныя оскорбленія и пощечины. Пусть въ утѣшеніе всецѣло при нихъ останутся и тѣ поцѣлуи, которыми награждаетъ своихъ евреевъ кадетская партія на конференціяхъ. Еврейскія народныя массы должны избрать свой собственный путь. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

СОДЕРЖАНІЕ.

Ст. Ивановичъ. Кадеты и евреи 7

Д. Заславскій. Евреи и кадеты 39

БИБЛИОТЕКА
„СЕВЦЕНТРОПЕЧАТИ“
Инв. №.....
Шифр. кн.....

Цѣна ~~50~~ 45 коп.

Книжный магазинъ и Книгоиздательство быв. М. В. Попова.
Петроградъ, Невскій пр., 66.